

ТОМЕК

на тропе войны

АЛЬФРЕД ШКЛЯРСКИЙ

Иллюстрации Владимира Канивца

Приключения Томека Вильмовского

Альфред Шклярский

Томек на тропе войны

«Азбука-Аттикус»

1991,

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

Шклярский А.

Томек на тропе войны / А. Шклярский — «Азбука-Аттикус»,
1991, — (Приключения Томека Вильмовского)

ISBN 978-5-389-22868-9

Захватывающие приключения продолжаются, и в этот раз отважный зверолов и путешественник Томек Вильмовский отправляется на родину ковбоев – на Дикий Запад. Во время охотничьей экспедиции в Африку Томек был серьезно ранен, и отец предложил ему погостить у своего приятеля, шерифа Аллана, в Нью-Мексико. Томек с радостью согласился, ведь там его ждала встреча с милой сердцу Салли. Фирма Гагенбека не упустила шанс и поручила Вильмовскому-младшему нанять индейцев для участия в цирковом турне по Европе. Лихие наездники на своих красивых мустангах произвели бы настоящий фурор! Однако коренные жители Америки давно вышли на тропу войны с бледнолицыми, и завоевать их доверие не так-то просто. Дело осложняется еще и тем, что группа неизвестных напала на ранчо шерифа и похитила Салли, а все подозрения пали на краснокожих... На историях о бесстрашном Томеке Вильмовском, вышедших из-под пера польского писателя Альфреда Шклярского, выросло не одно поколение юных любителей книг. Перед вами третий роман из этого цикла – «Томек на тропе войны», перевод которого был заново выверен и дополнен интересными и познавательными научнопопулярными справками. Замечательные иллюстрации к книге создал художник Владимир Канивец.

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-389-22868-9

© Шклярский А., 1991,
© Азбука-Аттикус, 1991,

Содержание

I	8
II	16
III	25
IV	32
V	45
VI	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Альфред Шклярский Томек на тропе войны

Alfred Szklarski
TOMEK NA WOJENNEJ ŚCIEŻCE
Copyright © by MUZA SA, 1991, 2007, 2018
All rights reserved

Перевод с польского Евгения Шпака
Научный редактор Ирина Литвин
Комментарии и примечания Ольги Куликовой
Иллюстрации Владимира Канивца
Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

© Шпак Е., перевод на русский язык, 2002
© Примечания, комментарии. ООО «Издательство «Эксмо», 2023
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

I Неожиданное нападение

По бескрайней прерии мчался широким галопом резвый мустанг¹. Сидевший на нем всадник низко пригнулся к гриве коня, чтобы широкими полями расшитого серебром сомбреро укрыть лицо от ветра. Полудикий благородный скакун с неукротимой силой перепрыгивал через встречавшиеся на пути колючие кактусы, ловко обходил провалы и летел вперед, почти касаясь брюхом пурпурных зарослей шалфея, покрывавшего широкую равнину.

И конь, и всадник наслаждались силой, скоростью и свистом ветра. Долго мчались они по прерии, увлекая за собой длинную тень.

Как вдруг наездник вскинул голову, издал радостный крик и круто осадил коня. Надо думать, силы и ловкости юноше было не занимать, потому что мустанг остановился как вкопанный. Некоторое время конь еще выказывал свое недовольство, приседал, становился на дыбы, но умелые руки всадника укротили его.

Левой рукой молодой наездник надвинул на затылок сомбреро, которое упало ему за спину и держалось на ремешке под подбородком. На загорелом лице юноши сверкнули веселые голубые глаза. Теперь уже можно было более точно определить его возраст. Выглядел он лет на шестнадцать-семнадцать, хотя, судя по росту и осанке, ему можно было дать и все девятнадцать – такие у него были широкие плечи, высокая фигура и твердые мускулы, выпирающие из-под цветной фланелевой рубашки.

---

¹ *Мустанг* – одичавшая домашняя лошадь.

Успокоив скакуна, всадник внимательно посмотрел на юг, где среди рваных скал вздымалась к небесам довольно высокая гора – цель его утренней поездки. Гора находилась на самой границе между Соединенными Штатами Америки и Мексикой. С ее-то вершины всадник и собирался получше разглядеть мексиканскую территорию, северное порубежье которой из-за многочисленных вооруженных стычек и грабительских нападений звали «вечно пылающей границей».

С места, на котором всадник остановился, были хорошо видны острые каменные изломы на склонах горы. Также ясно вырисовывались огромные кактусы, густые кусты шалфея и каменные обломки, лежащие на самой вершине горы. Но юноша не поддался этому оптическому обману, обычному в прериях, где такой чистый воздух. До горы оставалось еще по крайней мере три или четыре километра, поэтому всадник решил сбавить ход, чтобы поберечь силы коня для обратной дороги.

Он легонько потрепал мустанга по шее, и тот послушно тронулся вперед. Юноша внимательно рассматривал окрестность. Близость мексиканской границы заставляла быть осторожным. Он помнил слова опытного шерифа² Аллана, который предупреждал, что надо всегда быть начеку. Хотя отношения между обоими государствами уже много лет были мирными, вооруженные отряды мексиканцев и мексиканских индейцев часто проникали на американскую сторону. Они угоняли скот, овец, а иногда воровали и детей, которых потом заставляли работать на своих ранчо³. Эти вылазки беспокойных соседей вынуждали американцев и индейцев, находящихся в пограничных резервациях⁴, предпринимать решительные шаги, порой даже мстить. Таким образом, здесь постоянно шла коварная борьба, от которой обе стороны несли немалые потери.

Молодой поляк Томек Вильмовский – так звали одинокого всадника – не боялся опасностей. Однако он не любил легкомысленно подвергаться им, потому что опыт длительных путешествий по свету сделал его благоразумным и осторожным.

В Нью-Мексико⁵ Томек прибыл всего неделю назад. Здесь он, как полагал отец, мог восстановить силы и оправиться от болезни, вызванной нападением разъяренного африканского носорога во время последней охотничьей экспедиции в Уганду⁶. Несколько месяцев, проведенных в Англии, позволили ему забыть о тяжелой болезни. Поэтому, как только представился удобный случай, он с удовольствием принял предложение отца поехать на дальний Дикий Запад⁷.

У Томека были две причины желать этой поездки. Во-первых, он надеялся встретить здесь Салли Аллан, с которой познакомился во время необыкновенных приключений в далекой Австралии. По дороге в Англию, где она должна была учиться, Салли задержалась на длительный отдых у своего дяди, жителя Нью-Мексико. Томек рассчитывал провести с ней каникулы в этой здоровой местности, а потом вместе ехать обратно в Англию. Во-вторых, Томек, его отец и два друга, боцман Новицкий и Смуга, занимались ловлей зверей для знаменитого Гагенбека, поставлявшего в зоологические сады и цирки всего света разнообразных представителей животного мира. Гагенбек весьма ценил отважных поляков, всегда без колебаний бравшихся за самое трудное дело. Как только Гагенбек узнал, что Вильмовский собирается отправить

---

² Шериф – глава полиции округа; выборная государственная должность в США.

³ Ранчо – скотоводческое хозяйство (исп.).

⁴ Резервация – территория принудительного расселения индейцев Северной Америки, где они живут под строгим контролем правительственных чиновников.

⁵ Нью-Мексико – штат на юго-западе США.

⁶ Приключения Томека во время предыдущих экспедиций описываются в книгах «Томек в стране кенгуру» и «Томек на Черном континенте».

⁷ Дальний Дикий Запад (англ. Far Wild West) – территория в западной части США. Название появилось в то время, когда эта территория принадлежала воинственным индейским племенам.

молодого предприимчивого сына в Соединенные Штаты, он тут же обратился к нему с предложением. Томек должен был нанять там группу индейцев, которые за соответствующую плату согласились бы участвовать в цирковых представлениях. Ведь индейцы знамениты своей великолепной дрессировкой мустангов и лихостью в верховой езде. Если перенести в Европу целиком подлинную индейскую деревню, она, несомненно, возбудит там большой интерес. Ведь в Европе еще хорошо помнят героическую борьбу краснокожих воинов за свободу, ожесточенную борьбу до последнего, длившуюся с 1869 по 1892 год. Имена бесстрашных вождей – Сидящего Быка, Красного Облака, Кочиса и Джеронимо⁸ – стали символами героизма индейцев Америки.

Гагенбек (Хагенбек), Карл (1844–1913) – немецкий дрессировщик, зоолог, коллекционер диких животных, основатель зоопарка в Штеллингене, около Гамбурга, – первого в мире зверинца, в котором животные содержались в естественных природных условиях. В 1908 г. выпустил книгу «О зверях и людях», в которой подробно рассказал о выстроенной им новой системе акклиматизации и содержания диких животных в зоопарках и зоосадах.

Томек Вильмовский с радостью принял предложение Гагенбека. Благодаря этой договоренности ему предстояло не только встретиться с юной подругой, но и ближе познакомиться с жизнью героических индейцев, к которым он всегда относился с большим уважением.

Правда, отец Томека несколько опасался посылать в самостоятельную далекую экспедицию своего порою чересчур горячего сына и попросил близкого друга, боцмана Новицкого, сопровождать ему.

Приятели всего лишь неделю гостили у шерифа Аллана, дяди Салли. Опекать добродушного моряка никогда особенно не тяготила Томека. Оба обожали приключения и не могли долго усидеть на месте. Ко всему еще великан-боцман с первой минуты появления на ранчо Аллана большую часть времени проводил в обществе хорошенькой и славной Салли, следя, чтобы ее кто-нибудь не обидел. Динго, верный пес Томека, видимо, вспомнил, что Салли была его первой хозяйкой, и тоже не отходил от нее ни на шаг. Поэтому Томек пользовался полной свободой. С первых же дней он стал пускаться в длительные поездки, чтобы лучше изучить окрестности и завязать дружеские отношения с индейцами ближних резерваций.

---

⁸ *Сидящий Бык* (англ. Sitting Bull) и *Красное Облако* (англ. Red Cloud) были предводителями сиу (группы индейских народов в США и Канаде); *Кочис* и *Джеронимо* – вожди апачей (группы индейских народов на юго-западе США).

И вот теперь он в отличном настроении приближался к цели утреннего путешествия, радуясь, что вскоре увидит мексиканскую землю, известную ему по книгам польского путешественника Эмиля Дуниковского, который много странствовал по Соединенным Штатам и Мексике и описал свои наблюдения и приключения.

Одинокая гора с каждым шагом становилась все ближе, все больше закрывала горизонт, подернутый фиолетовой дымкой. Вскоре Томек очутился у ее подножия. Здесь он быстро нашел узкую тропу, ведущую к вершине. Без колебаний он направил коня по тропе, но, взглянув на землю, тут же натянул поводья и спешно соскочил с седла. Не выпуская из рук лассо, привязанное к уздечке лошади, он склонился над следами, ясно отпечатавшимися на песке тропинки.

Дуниковский, Эмиль (1855–1924) – польский геолог, путешественник, профессор Львовского университета. Один из лучших специалистов своего времени в области геологии нефтяных месторождений. Проводил геологоразведку в Карпатах, Турции, Алжире, Тунисе, горах Сихотэ-Алиня. В 1906 г. отправился в США и Мексику, где занимался не только геологическими исследованиями, но и этнографией индейских племен. Пересек Соединенные Штаты с востока на запад, изучал прерии, Скалистые горы, Нью-Мексико и Аризону. О своих путешествиях написал ряд книг, в том числе «Мексика и очерки путешествия по Америке» и «От Атлантического океана до Скалистых гор».

«О-го-го! Кто-то уже проехал здесь до меня! Готов поспорить, что это индеец, – рассуждал про себя Томек. – Только краснокожие не подковывают лошадей. Что ему нужно так рано на самой границе? Приехал он с севера, значит живет в Соединенных Штатах. Гм, странно, что он покинул резервацию среди бела дня. Пожалуй, лучше поскорее убраться отсюда».

Однако Томек тут же отказался от этого намерения, раздумывая над своим положением.

Отступление перед одиноким и, скорее всего, безоружным индейцем походило бы на трусость. Томек не мог допустить подобного, ведь смелости ему было не занимать. Ну и что, если даже увидел следы индейца в безлюдном месте? А может, это был ковбой какого-нибудь владельца ранчо? Может, ищет здесь пропавший скот? Ведь вершина горы – прекрасный наблюдательный пункт. К тому же если избегать встреч с индейцами, то он не выполнит поручения Гагенбека. Наверняка шериф Аллан, как и все пожилые люди, преувеличивает опасности, подстерегающие вблизи границы. Надо только быть осторожным, и все будет в порядке.

Успокоив себя таким образом, Томек смело направил коня между кактусами. Найдя место, поросшее пучками травы, он привязал мустанга к кусту, поправил пояс с кобурой револьвера так, чтобы в любую минуту можно было быстро выхватить оружие, и вернулся обратно на тропу. Не теряя времени на дальнейшие раздумья, Томек пошел по следу некоего коня. Однако через несколько шагов след сворачивал с тропы в кусты шалфея и там исчезал. И лишь через несколько метров выше этого места Томеку удалось найти на тропе следы ног, обутых в мокасины.

Томек тихо присвистнул.

«Индеец сделал то же самое, что сделал я несколько минут назад. Тогда надо сначала посмотреть на его лошадь», – подумал он.

И тут же в придорожных кустах, как будто в ответ на эту мысль, раздалось фырканье. Это лошадь индейца почувствовала чужого. Томек осторожно раздвинул кусты и увидел низкорослого гнедого мустанга с белыми яблоками на крупе. По индейскому обычаю вместо седла спину коня покрывала цветная попона, перехваченная через туловище толстым ремнем. Поводья без удил были просто привязаны к уздечке под нижней челюстью коня. Томек знал, что краснокожие пользуются поводьями, только сдерживая коня, а направляют его ногами. Другой конец прикрепленного к поводьям лассо был обмотан вокруг куста.

Томек внимательно взгляделся в рисунок на индейском «седле». Такой же показывал ему шериф Аллан на ручных изделиях навахо⁹. Неужели индеец принадлежит к этому племени? Томек насторожился. Еще не так давно по всему свету гремели имена навахо и апачей, потому что ни одно племя не проявило такой отчаянной смелости в борьбе с белыми захватчиками, как эти сыны аризонской пустыни.

Мустанг стриг ушами, громко фыркал, бил копытами, словно хотел предостеречь своего хозяина. Томек быстро вернулся на тропу и внимательно рассмотрел следы человеческих ног. Судя по их величине, следы не были оставлены взрослым человеком. Ободренный этим, Томек осторожно направился к вершине горы.

Спустя полчаса, прячась за кустами шалфея и стволами кактусов, Томек добрался до плоско срезанной вершины горы. Здесь тропа пропадала среди обломков скал. Томек укрылся за одним из них, настороженно высматривая индейца. Так и не заметив его поблизости, он стал медленно пробираться к южному краю вершины. Ступал бесшумно, осторожно, стараясь не задевать камни. На самом краю плоской вершины горы высился продолговатый обломок. Томек взглянул вверх и застыл: с обломка свисали две ноги в мокасинах.

Томек затаил дыхание, чтобы не испугнуть индейца. Во время своих прежних путешествий юноша превосходно научился бесшумно подходить к животным, на которых охотился. Вот он слегка переместился вправо. Индеец лежал ничком на верху обломка и всматривался в волнистую прерию по ту сторону границы. Из-за повязки на его затылке торчали три небольших орлиных пера.

Томек оглянулся вокруг и заметил прислоненное к камню старое ружье. Видимо, индеец никак не думал встретить здесь кого-нибудь, раз выпустил из рук оружие. Томек хитро улыбнулся. Ему столько рассказывали о необыкновенной чуткости индейцев, а на самом деле легко удалось подкрасться к навахо, хотя тот, конечно, не желал, чтобы его кто-нибудь видел.

Томек решил подшутить над юным индейцем. И бесшумно сел на землю. Интересно, кого или что высматривает индеец в прерии? Какое-то время Томек вглядывался в том же направлении, но на холмистой равнине, кроме кактусов, ничего не было видно. В конце концов ожидание ему наскучило, и он громко сказал по-английски:

– Может быть, мой молодой краснокожий брат скажет, что интересного он видит там, в прерии?

---

⁹ Навахо – один из самых многочисленных народов индейцев Северной Америки.

Эффект этих нескольких слов превзошел самые смелые ожидания Томека. Индеец тут же высунулся из-за края скалы, а увидев пришельца, одним прыжком очутился перед ним. Глаза его враждебно блеснули.

– Что тебе здесь надо, коварная бледнолицая собака? – выпалил он на довольно хорошем английском языке.

Томек был неприятно поражен этим злобным и оскорбительным выпадом, но сдержался и спокойно ответил:

– Я могу тебя спросить о том же. И у меня больше прав на это, потому что мы находимся не в резервации, и все же я никогда бы не сделал это так грубо, как сделал ты.

– Всякий шпион – это коварная, паршивая собака! – с ненавистью ответил индеец.

– Вполне с тобой согласен, но я не шпион!

– Лжешь, как и все бледнолицые! Тебя подослал шериф Аллан. Ты живешь у него!

– Откуда ты знаешь, что я живу у шерифа Аллана? – удивился Томек, подавляя гнев.

– Ага, выдал себя! – торжествующе воскликнул индеец. – Но все равно, что бы ты здесь ни увидел, ты уже никогда не расскажешь об этом другим бледнолицым!

Угрожающий смысл этих слов поразил было Томека, но ошеломление длилось недолго. Ему не раз приходилось сталкиваться с опасностью. Во время экспедиций вглубь неизведанных стран он часто заглядывал в глаза смерти, так что научился молниеносно реагировать на всякого рода неожиданности. И теперь одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться: кроме томагавка, другого оружия у индейца под рукой нет. Чтобы схватить ружье, стоявшее у скалы, индейцу надо было пройти мимо Томека. Кроме того, Томек не без удовлетворения отметил, что его более рослый противник выглядит изнуренным – узкие плечи, плоская грудь. Все это Томек установил за несколько минут.

Резко вскочив на ноги, он преградил индейцу путь к ружью.

– Почему краснокожий брат угрожает мне без всякой причины? – спросил он примирительно, желая разрешить странное недоразумение. – Я же ничем не заслужил твоих угроз!

– Хватит болтать! Защищайся, вероломная бледнолицая змея! – воскликнул индеец, выхватывая из-за пояса томагавк.

Томек был великолепным стрелком. Оружие было при нем, и ему ничего не стоило одним движением пальца обезвредить противника. Но у юного путешественника было врожденное отвращение к пролитию человеческой крови, кроме того, он искренне сочувствовал индейцам, столь варварски преследуемым белыми захватчиками. Поэтому Томек решил обезвредить этого одержимого фанатика без помощи оружия. Не зря боцман Новицкий, прославившийся искусством рукопашной борьбы, научил его многим безотказным приемам. Как только рассвирепевший индеец бросился на Томека, тот вдруг отпрыгнул в сторону, одновременно перехватив правой рукой кисть руки индейца, в которой был зажат томагавк, а левой надавил на локоть.

Сильным рывком Томек повалил индейца на землю, и краснокожий выронил томагавк.

Прежде чем индеец успел вскочить на ноги, Томек набросился на него и всем телом прижал к земле.

Началась яростная борьба. Индеец, как змея, ускользал из рук белого юноши, то и дело норовя вцепиться в горло противника и задушить его. Томек подумал, что он явно недооценил силу краснокожего. Внешне плохо сложенный индеец на самом деле оказался на редкость выносливым. С отчаянной решимостью он стремился во что бы то ни стало убить противника. Томек уже не сомневался, что борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Какое-то время они дрались не столь яростно. Ни один из них не произнес ни слова, не издал ни стога, хотя обоим изрядно досталось. Томек дышал с трудом. Схватка вымотала его.

И снова они покатались по земле. От рубашки Томека остались одни клочья. Острые камни больно ранили кожу. Вдруг рука индейца судорожно стиснула горло юноши. Напрягая последние силы, Томек ногами сбросил индейца с себя, но, как только вскочил, противник снова кинулся на него.

«Если я не выстрелю, он меня наверняка убьет», – подумал Томек, увидев, что у индейца еще остались силы.

Но тут же решил, что не будет стрелять в безоружного краснокожего. А лучше изменит тактику.

Когда индеец снова напал на него, Томек стал отбиваться кулаками, не подпуская его вплотную.

И сразу заметил свое явное преимущество. Меткие удары попадали прямо в живот и в челюсть индейца, который начал отступать к краю обрыва. Индеец понял, что так дело не пойдет. Он весь подобрался и внезапным прыжком бросился на белого юношу. Миг – и они снова схватились в убийственном объятии, катясь к обрыву. В отчаянии Томек головой ударил индейца в лицо, резко рванул его и вдруг почувствовал, что его ноги теряют опору. Несколько секунд противники покачивались на самой кромке обрыва. Индеец снова схватил Томека за горло. Тот еще раз, последним усилием, попытался оттолкнуть от себя индейца – и оба рухнули вниз, на усеянный камнями крутой откос.

Два яростно сплетенных тела упали на каменную глыбу.

II

Бледнолицый и краснокожий братья

Томек вскрикнул от боли, но ни на секунду не потерял сознания. Срываясь с обрыва, Томек крепко прижался к противнику. Получилось так, что индеец очутился под Томеком, тем самым защитив его от прямого удара о скалу. Томек почувствовал только страшную боль в руках, которыми он обхватил индейца. Спустя некоторое время он с усилием высвободил свои окровавленные руки, все в ранах и ссадинах. Попытался было распрямить пальцы – и зашипел от боли. К счастью, это были только поверхностные раны, о которых он тут же забыл, взглянув на лежавшего без движения индейца.

Томек встревоженно наклонился над ним. Навахо потерял сознание. Узкая струйка крови сочилась из-под лежащей на камне головы индейца. Томек осторожно приподнял ее. Кожа на затылке была глубоко рассечена, но заплетенные в косички волосы ослабили удар – череп, кажется, не поврежден. Томек внимательно осмотрел покрытое ссадинами тело краснокожего и не нашел серьезных повреждений. Только правая щиколотка утратила свою форму из-за раздувающейся опухоли.

Томек быстро стянул с себя остатки рубашки и разорвал ткань на полосы. Одной из них он перевязал кровоточащую рану на голове индейца, а потом принялся бинтовать опухшую щиколотку. Индеец глухо застонал.

«Видишь, до чего ты довел! – буркнул про себя Томек. – Какого черта вздумалось тебе убивать меня?»

Индеец продолжал лежать без движения. Томек стал лихорадочно соображать, как помочь раненому противнику. Обратного не взобраться – отвесная десятиметровая стена, – а спускаться надо по крутому, усеянному камнями склону.

Недолго раздумывая, Томек принял решение. Он взвалил индейца на правое плечо так, чтобы его голова лежала на спине, а ноги – на груди, и осторожно ступил на склон.

Сходить было нелегко. С трудом удавалось найти надежную опору. Томек то скатывался вместе с каменистой осыпью, то падал на колени и наконец почувствовал, что изнемогает. Пришлось несколько раз присесть и перевести дух. Индеец, неподвижно лежавший на его плече, с каждым шагом словно становился тяжелее. Но Томек не думал о себе, не обращал внимания на усталость и раны. Стиснув зубы, он шел и шел, сосредоточенно прислушиваясь к дыханию раненого противника. Благодаря чудовищному усилию в конце концов он очутился у подножия горы.

Здесь Томек положил индейца на землю. Затем отыскал большой яйцевидный кактус, срезал с него колючки, отделил от толстого ствола и принес к лежавшему на земле навахо. Разрезать кактус было делом одной минуты. Добыв сочную мякоть, он принялся выжимать из нее сок на лицо индейцу.

Прошло довольно много времени, пока лицо навахо судорожно не дернулось от боли. Он раскрыл глаза, но, увидев над собой лицо Томека, быстро опустил веки. Казалось, он снова потерял сознание, но нет, опять взглянул, уже осмысленно, и наконец открыто впился взглядом в лицо бледнолицего врага.

– Ну вот ты и очнулся, – сказал Томек, пытаясь улыбнуться.

– Ты победил меня, так не щади, добей! – прошептал навахо.

– Какой злой дух в тебя вселился?! – вскипел Томек. – То ты без всякого повода пытаешься меня убить, то теперь меня самого хочешь превратить в трусливого убийцу!

– Шериф Аллан послал тебя следить за мной...

– Что за чепуха! – воскликнул Томек. – Никто меня не посылал следить за тобой, и я тебя вовсе не победил. Я просто хотел посмотреть на мексиканскую сторону, потому и взобрался на эту одинокую вершину. На тебя я наткнулся по чистой случайности. Не знаю, почему ты напал на меня, – видимо, причина была, если уж мы дрались, как два петуха. Мы упали с обрыва, и ты ударился головой о камень. Вот как выглядит эта моя «победа».

– Но ведь ты живешь у шерифа Аллана, – с горечью повторил навахо, пытаясь заглянуть Томеку в глаза.

– Если ты знаешь, что я живу у Аллана, то должен знать и то, что живу я там всего несколько дней. Я приехал из далекой заморской страны за этой молодой скво¹⁰, с которой вместе отправлюсь в Англию.

– Угх! Значит, ты и в самом деле не принадлежишь к людям шерифа?!

– У меня с ними ничего общего, – заверил индейца Томек. – Но давай лучше подумаем, как тебе помочь? К несчастью, ты крепко пострадал во время падения.

– Значит, мой бледнолицый брат не янки?¹¹

– Нет, я поляк, моя родина находится далеко за Большой Водой, – пояснил Томек, довольный, что навахо назвал его «бледнолицым братом».

– Угх! И впрямь злой дух затуманил мне глаза, чтобы я не увидел правду. Надо быстро исправить ошибку, может быть, еще не поздно... – лихорадочно говорил навахо, пытаясь подняться на ноги, но тут же покачнувшись и упав бы, если бы Томек не поддержал его в последний момент.

– Ты с ума сошел?! У тебя же нога вывихнута! – возмутился белый юноша.

– Помоги мне взобраться на вершину горы, дорога каждая минута! – ответил индеец, опираясь на руку Томека.

– Здесь нам не взобраться, – возразил Томек. – Лучше обойти гору кругом, до тропы...

– Если мой бледнолицый брат хочет убедить меня, что наша встреча была случайна, то... поможет мне как можно скорее взобраться на вершину горы, – нетерпеливо сказал навахо.

– Ну-ну! Что ж, попробуем!.. – вздохнул Томек, с опаской посмотрев на крутой склон.

Шаг за шагом карабкались они по косоугору. От усилия и боли лицо молодого навахо побледнело и покрылось испариной. То и дело он спотыкался и падал, хотя Томек изо всех сил поддерживал его. Не обращая внимания на острую боль, волоча по земле вывихнутую ногу, индеец упорно отказывался передохнуть – он спешил на вершину горы.

Томек уже почти выбился из сил; ноги подгибались, рот с трудом ловил воздух, а ведь было проделано всего полпути. Но индеец, видимо, знал здесь каждый кустик; вместо того чтобы взбираться на гору напрямик, он выбрал дорогу наискось, находя неизвестные Томеку удобные проходы. И вот уже выступ, на который они упали с вершины, в нескольких десятках метров справа.

Индеец все больше выказывал тревогу. Неожиданно он присел на склоне. Заслонив ладнью глаза от солнца, он долго всматривался в расстилавшуюся перед ними волнистую прерию.

– Угх! Есть, есть, вон там, на востоке! – воскликнул он, указывая рукой.

Томек напряг зрение. Вдали, на небольшом возвышении, он увидел всадника, глядящего на вершину горы.

Молодой навахо замахал руками, громко закричал на неизвестном Томеку языке, но таинственный всадник стоял неподвижно, словно каменное изваяние. Слишком далеко было до него, чтобы он мог услышать этот крик. И заметить их на темно-зеленом склоне он тоже

---

¹⁰ *Скво* – «женщина» на языке индейцев.

¹¹ *Янки* – житель Новой Англии в США. В более широком значении – вообще житель северных штатов, а иногда любой белый, рожденный в США.

не мог. Томек понял, что, если бы навахо находился сейчас на вершине, на обломке скалы, всадник прекрасно бы видел его на фоне светлого неба.

– Он не может нас ни увидеть, ни услышать, – крикнул Томек, обращаясь к своему спутнику.

– Выстрели вверх из револьвера! Он наверняка услышит выстрел! – откликнулся навахо. – Скорей, скорей! Смотри, он уезжает!

И впрямь всадник уже стал спускаться с холма; скакун его все быстрее устремлялся к границе Соединенных Штатов.

– Стреляй! – закричал навахо, хватая Томека за руку.

Томек хотел достать револьвер, но так и не нащупал рукоятку: кобура была пуста.

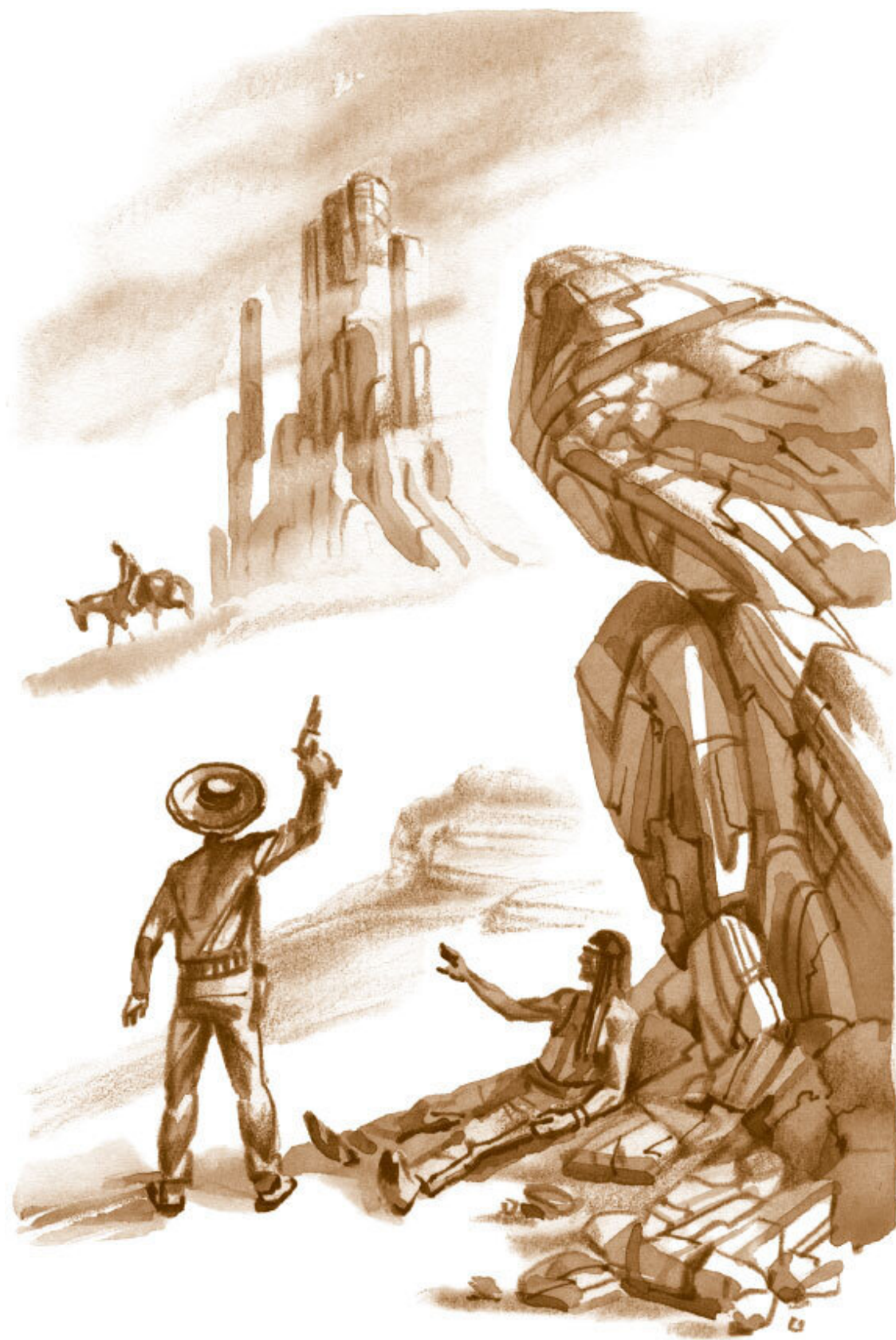
– Я потерял револьвер: наверно, выпал из кобуры, когда мы дрались! – воскликнул он.

– Ищи скорей – или я опозорен! – с отчаянием взмолился индеец.

Томек, словно у него появились свежие силы, бросился к скале, где предполагал найти потерянный револьвер. Спотыкаясь, ползя на четвереньках, он добрался до основания большого обломка скалы. Руками попытался ухватиться за его край, но, даже встав на цыпочки, не смог дотянуться. Он был слишком измучен, чтобы взбираться по почти отвесной скале, и решил найти проход, по которому спустился, неся на плечах бесчувственного индейца. Наконец это удалось, и он очутился наверху скалистого обломка.

После коротких поисков он увидел свой черный револьвер на щебне, покрывавшем склон. С торжествующим криком схватил оружие, но, к несчастью, ствол был забит землей. Пока Томек прочистил его шомполом, всадник, ветром мчавшийся по прерии, очутился напротив одинокой вершины. Томек поднял револьвер и выстрелил пять раз подряд. Но, увы, таинственный всадник не слышал выстрелов. Как раз в этот момент он скрылся за поворотом горы, заглушившей эту пальбу.

Томек понял, что больше ничем не может помочь. Чтобы не терять времени, он не стал перезаряжать револьвер, а сунул его в кобуру и направился помочь индейцу, взбиравшемуся по склону горы.

Стойкость молодого навахо и то упорство, с которым он карабкался наверх, вызвали уважение Томека.

Томек был сообразительным парнем. Он не сомневался, что индеец очутился на одинокой горе для того, чтобы встретиться с таинственным всадником. И встреча, надо думать, была

важная, если он кинулся в смертельную схватку, предположив, что Томек выслеживал его по приказанию шерифа Аллана.

Немало потребовалось времени, пока они добрались до вершины. Индеец просто изнемогал. И рана на голове, и вывихнутая нога причиняли значительную боль, но он делал вид, будто не обращает на это никакого внимания. Видимо, все время думал только о таинственном всаднике, потому что не успели они очутиться на вершине, как он сразу бросился к северному ее краю, откуда хорошо была видна прерия на американской стороне.

Томек и навахо напрягали зрение, высматривая всадника. Однако его нигде не было видно. Индеец еще больше помрачнел. Наконец он прервал молчание:

– Может ли мой белый брат найти ружье?

– Сейчас. Наверное, стоит у скалы. Пусть мой краснокожий брат подождет меня здесь, – ответил Томек.

Ружье было на месте. Томек с легкостью нашел его. Это было старое, уже довольно изношенное оружие. Томек тщательно его осмотрел; он знал, что неказистые на вид ружья трапперов¹² и краснокожих отличаются иногда большими достоинствами. На длинном стволе ружья виднелись насечки. Так по обычаю Дикого Запада отмечалось число убитых врагов. Томек посчитал насечки. Их было тринадцать подряд, потом, поодаль, еще четыре.

Индеец был слишком молод, чтобы все насечки на стволе ружья относились к его победам. Вероятно, унаследовал ружье от прославленного воина. Но уже то, что юный навахо имеет такое ружье, доказывает – среди своего племени он человек непростой.

Придя к такому выводу, Томек решил внимательно присмотреться к навахо, поэтому возвращался осторожно, прячась за обломками скал. Так он смог подойти к навахо незаметно. Индеец сидел на земле и, опершись локтями о колени, уткнулся лицом в ладони.

Томек изумился: неужели краснокожий плачет? Невероятно. Слезы никак не вязались с его мужественным поведением. И все же Томек не ошибся: из-под судорожно прижатых к лицу пальцев текли слезы. Навахо и правда плакал. Были ли это слезы боли, отчаяния или разочарования? Этого Томек не знал, но понял, что подглядывать за человеком в минуту его слабости неблагородно. Он осторожно отступил назад и только спустя какое-то время вернулся к спутнику.

Сидя на земле, индеец поправлял волосы, растрепавшиеся во время борьбы. Рядом лежал обрывок рубахи, которым Томек перевязал ему рану. На лице индейца уже не было видно волнения, так прекрасно он владел собой. Увидев Томека, он произнес:

– Мой белый брат нашел ружье. Хорошо. Мне уже пора, я должен спешить.

Томек положил ружье рядом с краснокожим и сказал:

– Ты плохо сделал, мой краснокожий брат, что снял с головы повязку. Из раны еще идет кровь.

---

¹² Траппер – охотник на пушных зверей в Северной Америке.

Навахо посмотрел на него. Он долго вглядывался в глаза белого юноши, но, видимо, так и не обнаружил в них хитрости или коварства, потому что грустно улыбнулся и ответил:

– Краснокожие больше всего нравятся бледнолицым тогда, когда кости краснокожих белеют в прерии. Все индейцы для бледнолицых – паршивые собаки, цепляющиеся за землю, которую хотят иметь белые. Навахо, апачи и сиу умеют биться с врагами. Я – навахо. И если кто-нибудь из белых или краснокожий полицейский, служащий у белых, встретил бы меня, раненного, в прерии, то доставил бы к шерифу как человека, подозреваемого в нападении. Я сказал это потому, что ты, мой брат, приехал сюда из-за Большой Воды, чтобы взять с собой белую скво, и скоро уедешь с ней на свою родину.

– Я уже много раз слышал, как подло ведут себя белые люди с индейцами, но никак не думал, что среди вас нашлись предатели, служащие угнетателям. Ведь американская земля принадлежит вам, это ваша родина.

– Мой брат так же молод, как я, но Маниту¹³ одарил его большим умом. Мой белый брат должен уже сидеть в совете старейшин своего племени. Если бы все белые говорили и поступали так, как ты, то индейцам никогда не пришлось бы выкопать топор войны, выступая против них. Увы, даже не все индейцы понимают, что надо держаться сообща. Среди нас оказались и предатели. Сущие паршивые краснокожие собаки!

– Я понимаю тебя, потому что моя страна тоже не знает свободы. И у нас немало предателей. Но надо подумать о твоих ранах. Давай подложим кусок рубашки под повязку, из которой торчат перья. Подожди, я тебе помогу! Вот так! Теперь хорошо. А ногу мы сейчас вправим и перевяжем.

Томек ловко вправил вывих и перевязал ногу обрывками рубашки. Несмотря на боль, индеец над чем-то задумался, но лишь после длительного молчания выразил свое опасение:

– Мой белый брат живет в доме шерифа Аллана, и, если вернется израненный и в изорванной одежде, шериф наверняка станет спрашивать, что случилось. Что мой брат ответит?

---

¹³ *Маниту* – божество у индейцев.

– Прежде всего я постараюсь, чтобы Аллан меня не увидел таким. Потом вызову из дома моего приятеля, боцмана Новицкого, и попрошу его принести мне свежую рубашку.

– Ты говоришь о белом мужчине высокого роста, который тоже живет у шерифа?

– Ты видел боцмана Новицкого? Когда? – вопросом на вопрос ответил Томек, подозревая, что навахо следил за всеми обитателями ранчо Аллана.

– Я работаю у шерифа ковбоем.

– Ах вот в чем дело! – улыбнулся Томек. – Значит, мы вместе можем вернуться домой.

– Нет, я со стадом нахожусь на ближнем пастбище. Если шериф увидит нас вместе, он легко обо всем догадается. А как ты объяснишь свой необычный вид другу?

– Об этом не беспокойся. Скажу, что упал с лошади на колючий кактус. Боцман Новицкий добрый товарищ – никогда не задает вопросов больше, чем надо.

– А малая белая скво? – не унимался индеец.

– Если ты думаешь о Салли, то можешь быть совершенно спокоен. Она поверит всему, что я скажу, а ее мать – сама доброта и любит меня. Они живут в далекой стране, которая называется Австралия. Их ферма находится в прерии на опушке огромного леса. И вот как-то раз маленькая скво заблудилась в этом лесу. Все окрестные фермеры не могли ее отыскать. Мне же повезло, и я случайно нашел ее. Она вывихнула ногу, прям как ты сейчас, и не могла одна вернуться домой. И она, и ее мать сделают все, что я попрошу. Не беспокойся ни о чем.

– Зачем мой белый брат ездит по разным далеким странам?

– Мы с отцом и двумя его друзьями ловим диких животных и продаем в Европу. И потом на них можно посмотреть в специально отведенных для этого местах.

– Угх! Красный Орел уже слышал о таких людях, которые ловят диких животных.

– Ого, у моего брата красивое имя, – заметил Томек. – Могу я называть тебя Красным Орлом?

– Все меня так зовут, – ответил навахо. – А теперь идем к нашим лошадям.

– Красный Орел не должен тревожить большую ногу. Я тебя понесу на спине. Бери оружие и садись, – предложил Томек.

После краткого колебания индеец сел Томеку на закорки, и двое юношей двинулись вниз по склону. Несмотря на всю силу и выносливость, после всех сегодняшних передрыг Томеку понадобилось несколько раз передохнуть, прежде чем они добрались до лошадей. Мустанг навахо сразу же почувствовал людей – начал фыркать и бить копытами о землю. Навахо свистнул. Мустанг заржал и успокоился.

Когда Томек встал рядом с лошады, индеец слез с его спины, отвязал конец лассо от ветви, не выпуская из рук ружья, схватился за длинную гриву мустанга и ловко вскочил на него.

– Пусть мой белый брат сядет сзади меня, – предложил он.

– Не стоит. Мой конь всего в нескольких шагах отсюда, – ответил Томек.

Он нашел свою лошадь, запрыгнул в седло, и они быстро спустились с горы на широкую равнину. Молча ехали галопом. Только спустя полчаса навахо осадил коня.

– Здесь наши пути расходятся, – сказал он. – Ты, мой белый брат, поскачешь на северо-запад, а я – прямо на север, на свое пастбище.

– А когда Красный Орел придет на ранчо Аллана? Я хотел бы кое о чем поговорить, – сказал Томек.

– Постараюсь вскоре встретиться с моим белым братом.

– Буду ждать. До свидания!

Томек дружески помахал рукой и повернул коня к ранчо.

Индеец неподвижно сидел на мустанге, чуть подавшись вперед, держа в обеих руках длинное, с насечками ружье. Как только белый юноша немного отъехал, указательный палец индейца дотронулся до курка.

«Только мертвые не выдают тайны», – подумал навахо, скидывая ружье к плечу.

Он был уже готов выстрелить, как вдруг вспомнил, что новый знакомый даже не спросил его о таинственном всаднике.

«Ведь это же я хотел его убить, а он не только не воспользовался победой, но и помог мне, как другу. Этот белый ничего не знает о Черной Молнии и, значит, не может нас предать».

Навахо медленно, с видимым облегчением опустил ружье и прошептал:

– О великий Маниту! Я ненавижу белых и готов погибнуть в борьбе с ними. Но я не могу убить человека, который поступил со мной так великодушно.

III

Три друга

Даже не подозревая, что он сегодня вторично был на волосок от смерти, Томек мчался по прерии, спеша домой. Ему и в голову не приходило, что индеец может послать вдогонку пулю. По дороге на ранчо он думал о том, как бы избежать встречи с хозяином ранчо. Лучше всего незаметно пробраться в свою комнату, но это будет трудновато. По всему дому снует негритянская прислуга, туда-сюда ходят Салли и ее мать. Если кто-нибудь встретит его в таком виде, от расспросов не уйти. А Томек во что бы то ни стало хотел этого избежать.

Боцман Новицкий был единственным человеком, на которого можно положиться. Поэтому Томек решил подкрасться к дому, а потом незаметно вызвать друга к себе. Для этого он подъехал к ранчо со стороны загона. Огляделся – поблизости никого нет.

Томек быстро завел мустаंगा в загон, расседлал его, а уздечку и седло повесил на деревянную ограду. Закрыв за собой ворота и прыгнул в кусты, росшие около дома.

Шпалеры кустов кончались метрах в двадцати от обширной открытой веранды жилого дома. Томек спрятался в них, внимательно наблюдая за тем, что происходит на веранде. Прошло с четверть часа, прежде чем там появилась негритянка Бетти, неся поднос с посудой в руках и белую скатерть под мышкой. Она накрыла скатертью круглый столик, поставила приборы и исчезла в глубине дома.

Увидев это, Томек не на шутку встревожился. Неужели уже второй завтрак?

Он стал соображать, который может быть теперь час. Выехал он на рассвете, где-то около четырех часов утра. До мексиканской границы не больше часа ходу, подъем на гору и слежка за индейцем – еще час. Драка длилась всего несколько минут. Спуск по крутому склону с бесчувственным Красным Орлом занял около получаса, может быть, больше. Обратный подъем на гору, поиски револьвера, потом ружья и разговор – около трех часов, возвращение на ранчо – час. Получается, что прошло почти шесть часов. Стало быть, сейчас часов десять-одиннадцать, то есть как раз пора второго завтрака.

Едва Томек рассчитал это, как на веранде появилась черноволосая Салли с матерью в обществе неразлучного боцмана; за ними вбежал Динго.

Они сели за стол. Собака легла у ног девушки. Сразу же вошла Бетти, неся заставленный поднос.

Томек приуныл и закрыл глаза, чтобы не видеть, как его друзья принимаются за завтрак. Из-за необычного приключения он совсем позабыл о еде, а теперь желудок заявил о себе. До Томека доносился звон посуды и веселые голоса миссис Аллан и боцмана, которые уговаривали Салли взять порцию побольше. Юноша хотел было заткнуть уши, чтобы ничего не слышать, но подумал, что в любом случае надо укреплять силу воли.

Решив так, он тут же открыл глаза и стал наблюдать за поведением друзей. И не зря – оказывается, он бы много потерял, спрятав, как страус, голову в песок. Дело в том, что Салли, которую боцман и мать всё уговаривали есть, внезапно перестала упрямыться и принялась накладывать на свою тарелку огромные порции, а миссис Аллан и добродушный боцман громко восхищались ее великолепным аппетитом.

– Это все воздух прерии! – басил моряк. – Даже на меня он действует, как лучший в мире ямайский ром. Если так будет продолжаться, то вскоре я не пролезу в корабельный люк. Придется мне вместе с Томеком ездить верхом, чтобы хоть немного сбросить вес.

– Ах, что вы говорите, – возражала миссис Аллан. – Хотя вы и крупный мужчина, но под кожей-то у вас ни грамма жира. Да и что бы мы без вас делали? Деверь¹⁴ постоянно занят своими делами, а Томек целыми днями носится по прерии наперегонки с ветром, и только вы опекаете нас.

– Для меня это большое удовольствие, можете поверить, – изысканно ответил боцман. – Я всем сердцем полюбил вашу маленькую Салли. Томек тоже о ней не мог забыть. Все время писал письма с дороги, посылал фотографии, а когда мы убили в Кении великолепного льва, то тут же его шкуру решил подарить ей.

– Ах, мой дорогой боцман, нет, вы серьезно скажите, Томек и в самом деле думал обо мне? – спросила Салли, незаметно суя кусок ветчины собаке, лежавшей у ее ног.

– Уверю тебя. Если бы ты видела, как он злился, когда я в шутку называл тебя «милой голубкой».

– Мне он об этом ничего не писал – наверное, потому, что он настоящий джентльмен. Все мои подруги прямо лопались от зависти, когда я читала его письма ко мне. Ни одна не могла похвастаться таким знакомством!

– О да! – согласился боцман, усаживаясь поудобнее. – Наш Томек умеет писать красивые письма, что ж этому удивляться – ведь его уважаемый папаша обо всем говорит как по писаному. Правда, иногда Томек советовался со мной, как бы это покрасивее написать тебе, но смеалки и у него самого хватает. Томек – парень что надо!

Томек заерзал.

«Вот же предатель этот боцман...» – пробормотал он про себя, от души смеясь над тем, как ловко Салли отдает свою еду Динго.

А миссис Аллан ничего не подозревала и только дивилась тому, что дочь так быстро опустошает тарелки.

– Салли, милочка, не слишком ли ты быстро ешь?! – воскликнула она. – Твой аппетит улучшился, но ты не должна так перегружать желудок.

– Но я все еще голодна, – жалобно вздохнула Салли.

– Лучше сбегай в сад и нарви себе фруктов, – посоветовала мать.

Салли только этого и ждала. Она встала со стула, поблагодарила за еду и вместе с Динго покинула веранду.

Не желая ничего упустить из забавной сцены на веранде, Томек даже высунул голову из листвы, но, когда девушка сбежала с собакой в сад, он быстро юркнул обратно в кусты, невольно зашуршав ветками.

Динго услышал этот шорох. Тут же учуяв своего хозяина, он в несколько прыжков подскочил к нему, весело махая хвостом.

Томек чуть не упал, когда огромный пес попытался лизнуть его в лицо. Придержав своего любимца за ошейник, он жестом приказал ему сидеть спокойно. Верный, послушный Динго хорошо понимал любое движение Томека, поэтому сразу же успокоился. Только влажный нос собаки дрожал, ловя чужой запах от юноши.

«Почувствовал запах индейца», – подумал Томек.

Шаг за шагом он отступал в чащу кустов. Динго шел вслед за ним. Отогнать собаку, при этом не обратив на себя внимания девушки, было невозможно. Поэтому Томек торопливо углублялся в заросли, чтобы оказаться как можно дальше от веранды, когда Салли направится вслед за Динго.

И он не ошибся. Увидев, как пес исчезает в кустах, Салли позвала его. Однако Динго все равно не возвращался, поэтому девушка отправилась его искать.

– Динго, Динго! Куда ты подевался, негодяй? Сейчас же ко мне!

---

¹⁴ Деверь – брат мужа.

Но Динго не двигался с места, хотя стриг ушами, слыша этот зов. Рассерженная, Салли побежала в глубину сада и через несколько шагов остановилась как вкопанная. Она увидела Томека. Вид его ужаснул девушку. Голая грудь, руки и лицо в засохшей крови, волосы всклокочены, сомбреро, висящее на ремешке, потрепано, порванные кожаные штаны явно говорили о том, что с Томеком опять стряслось что-то необычное.

В других обстоятельствах юноша был бы страшно доволен впечатлением, произведенным на Салли, но на этот раз он только улыбнулся, жестами приказывая ей молчать. Салли была дочерью австралийского поселенца и уже всякое повидала, поэтому она быстро подавила изумление, молча направившись за своим другом.

Когда они очутились на приличном расстоянии от веранды, Томек остановился и сказал:

– Ты ведь, Салли, все вмиг понимаешь. Хорошо знаешь, когда и как себя вести. Могу я на тебя рассчитывать?

– И ты еще спрашиваешь об этом! – возмутилась девушка. – Знаешь же, что для ТЕБЯ я сделаю ВСЕ. Томми, ты выглядишь так, будто кого-то убил! Можешь без опаски мне все рассказать. Я буду нема как могила. А если пойдет дознание, я скажу, что мы все время играли в саду.

Томек даже усмехнулся при этих словах:

– С чего ты взяла, что я кого-то убил?

– Но ты же весь покрыт кровью, потерял рубашку, порвал брюки и шляпу. В таких вещах я разбираюсь, – ответила Салли.

– Глупости говоришь, как только что делал боцман Новицкий, – сказал Томек.

– Значит, ты нас подслушивал? Некрасиво! – возмутилась девушка.

– Так ведь нечаянно же, – успокоил ее Томек. – Не мог же я в таком виде показаться твоей матери, да и не хотел, чтобы шериф Аллан видел.

– Ах! Об этом можешь не беспокоиться. Дядя рано утром уехал верхом и до сих пор не вернулся. Мы одни дома.

– Это... прекрасно. Ты обещала, что будешь молчать. Можешь кое-что сделать для меня сейчас?

– Я скажу тебе, Томми, но ты прежде ответь: боцман Новицкий только нарочно заявил, будто ты не мог меня забыть и постоянно писал мне письма?

Томек покраснел, но деться было некуда. И он спросил:

– А ты часто получала мои письма?

– Часто, даже очень часто, – призналась Салли.

– Значит, боцман не соврал.

– Да, но я не знаю, постоянно ли ты думал обо мне?

– Разве я мог не думать, когда писал тебе?

– И то верно! Какая же я глупая!

– Я бы не сказал, что глупая, – живо возразил Томек.

Салли недоверчиво посмотрела на него:

– А теперь – что я должна сделать?

– Постарайся незаметно вызвать сюда боцмана Новицкого.

– Только и всего?

– Увы, в данном случае женщина для меня ничего больше не может сделать.

Услышав, что Томек назвал ее «женщиной», Салли покраснела от удовольствия.

– Хорошо, Томми, я постараюсь вызвать сюда боцмана, но я, ей-богу, не знаю, что ему сказать. Он так оживленно беседует с мамой.

– А ты попроси, чтобы он помог найти Динго. А я придержу собаку, пока вы не придете, – посоветовал Томек.

– Неплохая мысль! Боцман, конечно, мне не откажет. Подожди минутку, – ответила Салли и побежала к дому.

Вскоре Томек услышал приближающиеся голоса друзей.

– Вот наказание мне с тобой, девица! – сокрушался боцман. – Не даешь человеку отдохнуть после еды. То тебе дерево высоко, подсаживай тебя, – ей, видите ли, интересно, что там в середине кактуса, а уж когда ничего другого не можешь придумать, то кричишь, будто Динго пропал в кустах. А все для того, чтобы только потаскать меня по этой чащобе.

– Ага, теперь жалуетесь, а минуту назад собирались для здоровья ездить с Томми верхом! – парировала Салли.

– Да уж, он порастряс бы мое брюхо на кляче. А интересно, куда опять запропастился этот парень...

– Потерпите немножко и скоро удовлетворите свое любопытство, – хихикнула Салли.

– Да уж, подобралась парочка!

– Вы и в самом деле так думаете? – обрадовалась Салли.

Но ответа не дождалась, потому что боцман вдруг остановился и воскликнул:

– Что ты там опять выкинул, браток?! Что с тобой стряслось?!

– Ничего особенного, боцман, – весело ответил Томек, незаметно подмигивая приятелю. – По ошибке попал в бочку с кошками, они меня немножко поцарапали.

– Так это кошки съели твою рубашку, порвали брюки и сомбреро?! – пошутила Салли. – Вы, боцман, тосковали по Томми, вот я и привела вас к нему.

– Ну довольно, малыши! И верно, я только что сказал: подобралась парочка! – пробурчал боцман, внимательно разглядывая Томека. – Раз уж сделала свое дело, то бери Динго и беги за фруктами, а мы скоро придем.

– Я буду вас ждать, – ответила Салли. – Динго, за мной!

Девушка исчезла в кустах. Боцман долго и сурово рассматривал Томека. Потом подошел к нему, не говоря ни слова, вынул у него из кобуры револьвер, убедился, что в барабане одни пустые гильзы, молча вытряхнул их, спрятал в карман, прочистил ствол шомполом, вытащил из пояса Томека новые патроны, зарядил револьвер и сунул назад в кобуру.

– Сколько тебя учить, парень, что после выстрела надо сразу перезаряжать, – сурово сказал он.

Томек смутился. По неписаным законам звероловов подобный промах считался недопустимым. Поди знай, что может случиться, если не держать оружие в полной боевой готовности. Поэтому Томек с раскаянием ответил:

– Забыл. Но тут такое творилось... дело в том...

– У нас еще будет время поговорить, – перебил его боцман. – А может, за тобой гонятся? Ты не подстрелил кого-нибудь?

Томек уже знал некоторые слабости боцмана. Великан любил лести, и, чтобы задобрить его, Томек торопливо ответил:

– Благодаря вашим безотказным приемам я справился и без револьвера. Это уж я потом стрелял вверх, чтобы привлечь чье-то внимание.

– Ну если так, то прекрасно, – повеселел боцман. – Потом все расскажешь. А теперь надо как-то пробраться в дом. Выглядишь ты так, будто играл в прятки с тиграми.

– Да уж, нелегко пришлось, – признался юноша. – Принесите чистую рубашку.

– Подожди меня здесь, я мигом, – буркнул боцман.

Не прошло и получаса, как Томек, благодаря помощи своего друга, никем не замеченный, очутился в комнате, где он жил с боцманом.

Хотя моряк сгорал от любопытства, он ни о чем не спрашивал, пока Томек, умытый, облепленный пластырями и в чистой одежде, не сел за обильный завтрак. Только тогда боцман произнес:

– А теперь самое время, голубчик, рассказать, что случилось.

Томек со всеми подробностями поведал боцману о сегодняшних событиях.

Когда он закончил, моряк подумал и сказал:

– Уверен, твой индеец поджидал всадника, о котором ты упомянул. По-видимому, это была важная встреча, если он собирался дух из тебя выпустить только за то, что ты появился без приглашения. А раз он не хотел, чтобы об этом знал шериф, то ясно, что дело тут темное.

– Вот и я так думаю, боцман, – согласился Томек.

– Гм... интересно, куда на рассвете отправился шериф Аллан?

– В последнее время он часто отлучается, – сказал Томек, потянувшись к кофейнику.

– Это верно, но сегодня к нему приехали десять индейских полицейских.

– Я ничего об этом не знал. По-вашему, одно с другим как-то связано?

– Может быть, да, а может, и нет! Во всяком случае, когда шериф вернется, мы наверняка узнаем нечто интересное!

IV

Тайна молодого навахо

День уже клонился к вечеру, а шериф Аллан все еще не вернулся домой. Удивленные его длительным отсутствием, Томек и боцман сидели в удобных креслах на веранде. Они внимательно вслушивались в звуки, доносившиеся из широкой прерии, и ожидали, что с минуты на минуту услышат топот лошадиных копыт. Но, кроме неумолчного стрекотания цикад и кваканья лягушек в пруду, ничего не было слышно.

Вскоре на веранду пришли Салли с матерью. Их появление заставило наших друзей бросить догадки о том, что могло случиться с шерифом. Переменив тему, они принялись сообща восхищаться закатом солнца. Все небо было буйным сочетанием золота, багрянца, серебра и лазури. Прерия, покрытая шалфеем, окаймленная с юго-запада отдельными рваными горными цепями, переливалась пурпуром.

Миссис Аллан восторгалась теплыми тонами аризонского неба, расхваливая заодно здоровый, бодрящий воздух. По ее мнению, Нью-Мексико и Аризона представляли собой прекрасные места для поселения. Боцман усердно поддакивал, но чаще, чем на закат, поглядывал на стоявший перед ним стакан любимого рома.

Салли, наклонясь к Томеку, что-то шептала ему на ухо, как вдруг послышался глухой цокот копыт. Не было сомнения, что к ранчо галопом приближалась большая группа всадников. Томек быстро взглянул на боцмана, но тот как ни в чем не бывало спокойно потягивал свой ром.

Топот усилился. Спустя несколько минут в облаке пыли показались всадники. Они осадили вспененных скакунов возле веранды. Высокий худой шериф Аллан легко соскочил с вороного коня, небрежно бросил поводья выбежавшему к нему негру и повернулся к остальным всадникам.

Это были индейцы, одетые в кожаные штаны и такие же куртки. На коротко подстриженных головах у них были надеты фетровые серые широкополые шляпы, совсем такие же, как у кавалеристов Соединенных Штатов. Все всадники были при карабинах.

По команде шерифа, отданной по-английски, индейцы спешили. Только один из них не сделал ни малейшего движения, сидя в седле, словно каменное изваяние, хотя, конечно, как и большинство американских индейцев, он хорошо знал язык белых.

Теперь можно было различить, что неподвижный всадник одет иначе, чем остальные индейцы. Поверх длинных кожаных штанов, с бахромой по швам, была перекинута повязка, пропущенная между ногами. Широкий цветной пояс свисал на бедра. Из-под распахнутого короткого кафтана с длинными рукавами виднелось голое медно-коричневое тело. В противоположность остальным всадникам, у этого на голове было черное сомбреро. Длинные волосы падали на плечи.

Томек еле сдержал изумленный возглас. Индеец явно напоминал таинственного всадника, которого он видел издалека этим утром. Юноша внимательно присмотрелся и сразу же понял, почему индеец остался в седле. Его запястья были схвачены стальными наручниками, а ноги связаны толстым ремнем, пропущенным под брюхом лошади.

Томек подошел к боцману.

– Мне кажется, что это тот самый таинственный всадник, которого я видел сегодня рано утром в прерии, – шепнул он.

– Держи язык за зубами, пока мы не узнаем, что он за птица, – ответил боцман.

Шериф не терял времени даром. По его приказанию индейцы развязали пленнику ноги, стащили его с лошади, повалили на землю и защелкнули на ногах стальные браслеты. После этого трое индейцев отвели лошадей в загон, в то время как остальные устроились под открытым небом у веранды дома.

Два индейца с винтовками уселись возле пленника.

Шериф Аллан вошел на веранду. Едва он успел приказать негритянке Бетти накормить прибывших, как к нему подбежала Салли.

– Что все это значит, дядя? Кто этот индеец? – спросила она.

– Потом поговорим, сейчас я голоден как волк, – ответил шериф. – Вы уже ужинали?

– Нет, мы ждали тебя, Джонни, – ответила миссис Аллан. – Но теперь мне и есть не хочется! В чем провинился этот несчастный человек, что вы так жестоко обошлись с ним?

– Несчастный человек! – удивился шериф. – Нашла кого жалеть! Как только ты узнаешь, кто он такой, то перестанешь так говорить. Австралийские туземцы не докучали вам так, как нам воинственные американские индейцы. Отсюда и твое возмущение. Пойдем ужинать, я вижу, что Бетти уже накрыла на стол.

Шериф сделал приглашающий жест. Все пошли в столовую. Аллан ужинал с большим аппетитом.

Томек, Салли и ее мать ели немного, а вот боцман Новицкий не уступал хозяину.

Оба пододвигали друг другу блюда и с готовностью подливали холодного пива.

– Да они никогда не наедятся! – шепнула Салли, с нетерпением ожидавшая обещанного рассказа.

– погоди, их животы долго не выдержат. Твой дядя явно замедляет ход... – так же шепотом ответил Томек.

Салли многозначительно подмигнула Томеку, когда наконец шериф вытер губы салфеткой и отодвинул от себя тарелку. Из стоявшего на столе ящика он достал ароматную сигару, медленно обрезал перочинным ножиком конец и раскурил.

– Я вижу, что наши прекрасные дамы совсем потеряли аппетит, увидев индейца в стальных браслетах, – начал боцман, снисходительно улыбаясь. – Милосердие – большая добродетель. Когда поскитаешься по свету – всего насмотришься, но должен признаться, что и меня трогает несчастье ближнего.

Шериф серьезно взглянул на моряка и медленно выпустил клуб голубоватого дыма.

– Приходилось ли кому-нибудь из вас слышать о Пляске Духа?¹⁵ – спокойно спросил шериф.

---

¹⁵ *Пляска Духа* (англ. Ghost Dance) – религиозное движение, распространившееся среди индейцев запада США в конце XIX в.

Боцман отрицательно покачал головой. Салли и ее мать тоже никогда не слышали о таком танце. А вот Томек уверенно ответил:

– Пляска Духа – это религиозный танец племени сиу.

– Bravo, молодой человек! Я вижу, что еще не успел должным образом оценить твои познания! – одобрительно произнес шериф Аллан. – Откуда ты знаешь об этом?

– Перед каждой экспедицией я стараюсь всегда как можно больше разузнать о стране, куда намерен ехать, – ответил юноша.

– Вы должны знать, что наш Томек унаследовал от своего почтенного родителя тягу к науке. Он словно ходячая энциклопедия, – гордо сказал моряк, довольный, что может похвалиться ученостью своего воспитанника.

– А я не подозревал его в особой любви к книжкам, видя, что он целыми днями носится по прерии, – признался шериф. – Может быть, ты еще что-нибудь знаешь о сиу и Пляске Духа?

– К сожалению, только это.

– А вы, дядя, знаете? – хитро спросила Салли.

Шериф улыбнулся и начал рассказ:

– Это довольно старая и странная история. В 1888 году между индейскими племенами северо-западной Америки распространилось известие, что в одном из уголков штата Вайоминг появился Грейт-Медисин-Мен¹⁶ – великий колдун, который призвал всех краснокожих к восстанию против белых колонизаторов. Это был индеец Вовока из племени пайют. От своих соплеменников он потребовал прекратить междоусобную борьбу и объединиться. Он считал, что всем индейцам надо покончить с распрями и отказаться от обычаев, перенятых от белых людей. Если это будет сделано, тогда появится индейский мессия, который прогонит белых за Большую Воду, воскресит перебитых бизонов и вернет индейцам прежнюю жизнь. Это возрождение, приход которого провозглашал старый Вовока, получило название «Пляска Духа» – так звался танец, который совершали сторонники Вовоки во время обрядов. Для этого танца краснокожие надевали белые рубашки, украшенные амулетами для защиты от злого духа, и, танцуя, часто впадали в экстаз: они свято верили, что во время этой пляски души их уносятся в Страну Великого Духа, где обитают их предки.

Призывы Вовоки были услышаны. Индейцы готовились встать на тропу войны, вооружались и раскрашивали лица. Пляска Духа возбуждала умы. Индейцы брались за оружие, отказывались подчиняться правительственным чиновникам, ведающим резервациями. Начались волнения, особенно усилившиеся, когда во главе всего движения очутился Татанка Ийотакэ – Сидящий Бык – вождь и очень влиятельный жрец племени тетон-дакота, принадлежащего к языковой группе сиу.

Сидящий Бык был очень опасным противником. Еще в 1875 году он начал войну, длившуюся два года. После битвы под Литл-Бигхорн бежал в Канаду, откуда вернулся и поселился в резервации сиу. Будучи непримиримым врагом белых, он поддержал призыв Вовоки. Снова начал борьбу, которая сперва была успешной, но вскоре у индейцев не стало оружия и припасов.

– Дядя, а что случилось с этим храбрым вождем? – спросила Салли.

---

¹⁶ Грейт-Медисин-Мен (англ. Great Medicin Man) – великий врачеватель, часто в значении «колдун, шаман».

Татанка Ийотаке, Сидящий Бык (1831(?)—1890) – вождь и духовный лидер индейского племени хункпапа (входит в состав народа лакота из группы сиу). С 1863 г. участвовал в борьбе индейцев с американскими войсками. Был известен как противник переселения коренных народов в резервации. Пользовался большим авторитетом, в 1866–1868 гг. был избран верховным вождем сиу. В 1885 г. некоторое время выступал в шоу «Дикий Запад»: верхом на коне объезжал арену, раздавал автографы и фотографировался со зрителями. Однако оставался враждебно настроен к белым. В 1890 г. погиб в перестрелке с полицией.

Шериф гневно насупил брови, но ответил спокойно:

– Кончил плохо, и по заслугам. Он и его сын были убиты индейскими полицейскими: Красным Томагавком и Бычьей Головой. Со смертью предводителя прекратилось и бессмысленное сопротивление индейцев.

– Когда погиб Сидящий Бык? – спросил Томек.

– В декабре 1890 года, – ответил шериф и занялся своей погасшей сигарой.

– Я тоже так считал, но спросил только потому, что никак не могу найти связь между Пляской Духа и индейским пленником, который лежит связанный, как теленок, у нашего дома, – сказал Томек.

– Ты высказал вслух мои мысли! – воскликнула миссис Аллан. – При чем тут этот несчастный человек?

– Вот теперь-то мы подошли к сути дела, – ответил шериф. – С некоторых пор ко мне стали поступать сообщения, что какой-то таинственный краснокожий сеет смуту среди окрестных индейцев. В резервациях будто бы опять стали совершать запрещенный обряд Пляски Духа. После загадочного исчезновения двух правительственных агентов мне пришлось заняться следствием. Я установил, что время от времени в наших резервациях появляется какой-то посланец из-за мексиканской границы и подстрекает индейцев к восстанию против белых. Я несколько раз устраивал на него засады, но он, предупрежденный своими шпионами, уходил от меня. Наконец я нашел человека, который помог мне поймать подстрекателя. Бога-

тый ранчero¹⁷, индеец по имени Многогривый, сообщил мне вчера, что индейцы ожидают этого посланца. Я с отрядом индейской полиции устроил засаду в доме Многогривого, и преступник угодил в ловушку.

– Ага, так это и есть тот подстрекатель?! – воскликнул боцман, хлопнув себя по бедру. – Поздравляю, шериф, поздравляю! И как зовут этого фрукта?

Томек с укором посмотрел на друга, но боцман сделал вид, что не замечает этого. Шериф обстоятельно ответил:

– Подстрекателя зовут Черная Молния, он апач. Черный цвет у индейцев символизирует смерть. Говорят, что у этой Черной Молнии много всего на совести.

– Ну, это удача, шериф! – продолжал боцман. – Но почему вы его сразу не повесили?

– Надо кое-что у него выпытать. Он явно верховодит большой группой краснокожих, которая скрывается в горах вблизи нашей границы. Да мы и не намерены лишать его жизни. Если он будет вести себя разумно и выдаст нам убежище бунтовщиков, мы будем считать его военнопленным.

– Дядя, значит, после допроса вы его освободите? – спросила Салли.

– Нет, милая, мы отправим его в Форт-Марион во Флориде, где несколько сот непокорных индейцев находятся в лагере как военнопленные.

– Значит, ничего плохого ему не сделают! – обрадовалась Салли.

– Пожалуй, это не очень разумно так мягко относиться к бунтовщикам, – заявил боцман Новицкий, притворяясь возмущенным. – Весьма дурной пример для остальных смутьянов...

– Не беспокойтесь, – успокоил его шериф. – Мы настолько сильны, что уже можем не прибегать к слишком... суровым мерам.

Но боцман не унимался:

– Если в одном месте соберется много подобных молодцев, то ведь им нетрудно будет устроить побег, а там и до восстания недалеко.

– Мы справлялись и не с такими, как Черная Молния, – ответил шериф Аллан. – Надо вам знать, что апачи, целые века жившие разбоем, долго противились переселению в резервации. Такие воины, как Кочис, Джеронимо, Начес, Хучи и Нольджи, крепко нам досадили. Когда мягкие меры не помогли, их объявили вне закона и преследовали до тех пор, пока не схватили. Большинство из них находится в лагерях во Флориде, но на родину после освобождения вернулись немногие.

– Могу я спросить почему? – поинтересовался боцман.

– Местные индейцы привыкли к сухому климату прерий. А почти вся территория Флориды покрыта болотистыми джунглями. Суровая дисциплина, нездоровый и непривычный климат, тоска по родным краям делают свое дело.

– Хо-хо! Недурной способ избавляться от бунтовщиков, – пророкотал боцман Новицкий. – Как говорится – прошу прощения, – все делается в белых перчатках.

Миссис Аллан нахмурилась.

– Хорошо же вы поступаете с законными владельцами этой земли. Короче говоря, индейцы должны либо дать запереть себя в резервации, либо погибнуть в Форт-Марион, – сухо заметила она.

– Я не знал, что бедным индейцам приходится терпеть такую несправедливость, – грустно сказал Томек. – Подобную же судьбу уготовили полякам российские цари. Настоящих патриотов они вешают или ссылают в Сибирь. Вы же в курсе, что даже мой отец и боцман вынуждены были бежать из родной страны, спасаясь от ссылки.

– Ну вот, извольте, я с опасностью для жизни целыми днями гоняюсь за бунтовщиками, а мои близкие обвиняют меня в несправедливости, – воскликнул шериф, криво улыбаясь. –

---

¹⁷ Ранчero – хозяин, владелец ранчо.

Если уж на то пошло, то признаюсь, что и мне иногда жаль этих краснокожих храбрецов. Но пока я шериф, я должен исполнять свой нелегкий долг.

– Понимаю, понимаю. И на корабле такой же закон. Каждый должен выполнять свою обязанность, даже если это будет стоить ему жизни, – поддакнул боцман. – Шериф – тот же капитан корабля. Но я не понимаю, почему краснокожие полицейские с таким рвением стерегут пленного. Неужели они не могут с ним стакнуться?

– Этого можно не бояться. Большинство краснокожих ненавидят индейскую полицию. Конечно, несправедливо, потому что в полиции служат индейцы, лояльные к нашему правительству. Разве разумное поведение можно считать предательством?

– Мне кажется, можно, если оно противоречит интересам народа. Но что говорить о дружественных отношениях между краснокожими и белыми, если сами индейцы ненавидят друг друга, – вмешалась миссис Аллан, которую не убедили аргументы деверя.

Прежде чем шериф сумел что-то ответить, отзывался Томек:

– Честные и благородные люди всегда найдут правильный путь. Я слышал о белых, пользовавшихся большим доверием среди американских индейцев. К примеру, мой соотечественник, первооткрыватель и путешественник Павел Стшелецкий долго жил среди индейцев и был другом Оцеолы, героического вождя семинолов.

– Томми, это тот самый путешественник, который открыл Австралийские Альпы и назвал там самую высокую вершину горой Косцюшко? – спросила Салли.

– Да, тот самый, – подтвердил Томек, улыбаясь своей приятельнице.

– А я и не знала, что Стшелецкий путешествовал по Америке, – удивилась девушка.

– Стшелецкий объехал почти весь мир, – сказал юноша. – Перед посещением Австралии он путешествовал по Северной и Южной Америке, потом поехал на острова Тихого океана и в Новую Зеландию.

– А в Штатах он тоже открыл что-нибудь интересное? – спросила Салли.

– Нет, в Америке Стшелецкий занимался в основном этнографическими исследованиями, а собранный материал включил в свою книгу. В Соединенных Штатах он путешествовал по следам Косцюшко, то есть посетил Бостон, Нью-Йорк, Филадельфию, Балтимор, Вашингтон, Ричмонд и Чарлстон. Вел интересные исследования в мексиканской местности Сонора и в Калифорнии. Стшелецкий был очень добрым человеком. Он всегда помогал обиженным и преследуемым. Он даже наведлся к президенту Соединенных Штатов Эндрю Джексону, чтобы помочь польским эмигрантам и бывшим заключенным, сосланным когда-то из Англии в Америку. Тогда же он пытался облегчить судьбу индейцев и негритянских рабов. По этому вопросу он даже обращался в Конгресс Соединенных Штатов.

Стшелецкий, Павел Эдмунд (1797–1873) – польский путешественник, географ и геолог. С 1839 по 1843 г. проводил геологические исследования в Австралии и Новой Зеландии. Открыл Австралийские Альпы, первым покорил самую высокую вершину Австралии (2228 м) и назвал ее в честь национального героя Польши – гора Косцюшко. После возвращения в Европу написал книгу «Физическое описание Нового Южного Уэльса и Земли Ван-Димена».

- Ого! Этот Стшелецкий был смелым человеком! – воскликнул боцман.
- Неужели он ничуть не боялся индейцев? – продолжала спрашивать Салли.

– Как я уже говорил, Стшелецкий занимался этнографическими исследованиями среди коренных жителей Америки. Некоторое время жил у гуронов, обитающих в Стране Больших Озер. Не одну ночь провел в их вигвамах. И хотя индейцы вели тогда междоусобную войну, Стшелецкий в одиночку бродил по лесам и прериям. Ему часто приходилось идти по военным тропам индейцев, пылавших законной ненавистью к белым колонистам, и при этом удавалось избегать опасности. Он даже смог подружиться с различными племенами и их вождями. Лучшим доказательством тому служит одна история. Когда осевшие во Флориде семинолы, желая предотвратить безжалостное истребление своего племени, начали неравную, но героическую борьбу с Соединенными Штатами, Стшелецкий жил в согласии с индейцами и завязал дружбу с их вождем Оцеолой. Позднее, в своих воспоминаниях, Стшелецкий много писал об этом великом индейском вожде.

Оцеола (1804–1838) – вождь индейского племени семинолов. Выступал против переселения племени в резервацию, участвовал в ряде сражений, известных как Вторая семинольская война. Это был военный конфликт во Флориде между индейцами племени семинолов и белыми американцами. В 1838 г. Оцеола был взят в плен, когда прибыл на переговоры о мире, и заключен в Форт-Моултри. Через три месяца он умер от малярии.

– А скажи, Томми, что стало потом с Оцеолой?

– Американцы взяли его в плен. В 1838 году он умер от ангины в Форт-Моултри¹⁸, где находился в качестве военнопленного.

– Ты, Томек, интересные вещи нам рассказываешь! – отозвалась миссис Аллан. – Значит, твои соотечественники умели дружить с американскими туземцами. Ничего не скажешь, печальная судьба покоренных народов!

Шериф Аллан беспомощно пожал плечами и произнес:

– Индейская проблема в Америке никогда не была легкой. Если бы мы даже не заключили краснокожих в резервации, то наши поселенцы все равно бы вырезали их всех до одного. Достаточно вспомнить резню в Камп-Грант.

– Расскажите нам, пожалуйста, об этом. Мы охотно послушаем, – попросил боцман.

– Это печальный рассказ, – ответил шериф. – Когда не удалось силой посадить апачей в резервации, потому что не хватало войск, а обширные территории и климат благоприятствовали краснокожим, президент Грант был вынужден вести мирную политику. Узнав об этом, группа голодавших аризонских апачей появилась в гарнизоне Камп-Грант. Лейтенант Уитмен, командир гарнизона, накормил их и убедил привезти в Камп-Грант семьи и друзей. В результате этого многие индейцы с семьями приехали в Камп-Грант. Уитмен создал для них неофициальную резервацию. Однако ненависть белых и мексиканских поселенцев к апачам была столь велика, что, узнав о создании резервации, они решили уничтожить ее, не считаясь с тем, что там находятся мирные индейцы. Тридцатого апреля 1871 года, на рассвете, белые поселенцы и мексиканцы напали на резервацию. Не щадя ни женщин, ни детей, они перебили всех индейцев, пока те спали. Тела краснокожих изуродовали самым ужасным образом. Только нескольким индейцам удалось бежать в горы, а белые отступили в Таксон¹⁹, взяв с собой в качестве пленных индейских детей. Белые во всеуслышание хвастались, что во время налета

---

¹⁸ *Форт-Моултри* – группа укреплений в штате Южная Каролина.

¹⁹ *Таксон* – город в юго-восточной части штата Аризона, современный Тусон.

ни один из них не был ранен. Многие белые граждане Аризоны считали это массовое убийство обоснованным, потому что апачи постоянно нападали на их поселения, а следы разбойников вели якобы прямо в резервацию индейцев близ Кэмп-Грант, находившуюся под официальным покровительством гарнизона. Осуждали только убийство женщин и детей. Президент Грант приказал арестовать всех участников нападения, пригрозив, что объявит военное положение по всей Аризоне. Главарь действительно были арестованы, но суд их оправдал. Индейцы добились только того, что с тех пор белые не смеют вмешиваться в их жизнь в резервациях, а правительство стало оказывать им материальную и моральную помощь.

Косцюшко (Костюшко), Тадеуш Анджей Бонавентура (1746–1817) – национальный герой Польши. В 1776 г. эмигрировал в Северную Америку. Участвовал в Войне за независимость США в качестве военного инженера, в частности, спроектировал и руководил строительством оборонительных укреплений в Саратоге и Филадельфии. За выдающиеся заслуги получил звание бригадного генерала армии США, а также был награжден именным оружием – пистолетом, на котором по приказу Джорджа Вашингтона была выгравирована надпись «Из многих одному». В 1798 г. вернулся в Европу, жил во Франции и в Швейцарии.

– Наш шериф во многом прав, – примирительно сказал боцман. – Вам, женщинам, смотреть на него не стоит, но я и Томек с интересом поглядим на этого субъекта. Конечно, если шериф не будет иметь ничего против.

– Пожалуйста! Может быть, это вас несколько развлечет в нашем уединении, – согласился шериф. – Времени у вас достаточно, потому что мне надо задержать пленника до прибытия капитана Мортон с отрядом кавалерии. А уж он со своими людьми доставит его в Форт-Апаче. Но он прибудет не раньше завтрашнего вечера.

– Я с удовольствием посмотрю на Черную Молнию, – сразу же ответил Томек таким небрежным тоном, что миссис Аллан и Салли глянули на него с упреком. – Если полицейские будут его хорошо стеречь, то беспокоиться не о чем. Но можно ли им во всем доверять? У кого ключ от кандалов?

– Браво, bravo, молодой человек! Ценю ум и предусмотрительность, – похвалил шериф Томека, уверенный, что убедил юного поляка в правильности своего поведения. – Можете ничего не бояться. Ключ спокойно висит рядом с брелоком на цепочке моих часов.

И шериф показал маленький плоский ключик, прикрепленный к часовой цепочке. Увидев его, Салли почему-то побледнела.

– Ах, как хорошо получается!.. – воскликнула она и тут же торопливо добавила: – Как хорошо, что вы, дядя, так осторожны. А можно и мне пойти с Томми и боцманом посмотреть на этого ужасного человека?

– Ступай, непоседа, но гляди, чтобы он тебе не приснился ночью, – улыбнулся шериф.

– Салли, я тебя прошу, не сиди слишком долго вечером на дворе, – заметила миссис Аллан. – У меня разболелась голова, я пойду спать.

– Хорошо, мамочка! Идем, Томми!

Миссис Аллан вышла из столовой. Шериф задержал боцмана, чтобы пропустить еще одну рюмочку «на сон грядущий», так что Томек и Салли оказались на веранде вдвоем.

Салли схватила Томека под руку.

– Томми, я чуть-чуть не проговорила! Хорошо, что успела вовремя прикусить язык. Знаешь ли ты, что ТАКОЙ ЖЕ КЛЮЧИК лежит в ящике письменного стола в кабинете?! – шепнула она.

– Ну и что? О чем ты?

– Не притворяйся, будто не понимаешь! – возмутилась Салли. – Сегодня утром я от скуки заглянула в тот ящик. А там лежат стальные наручники с таким же ключиком, как у дяди на цепочке.

– Ты в этом уверена?

– Вполне! Я хорошо их разглядела, потому что играла с этими браслетами, как их назвал боцман Новицкий. Я сразу же увидела, что ключик точно такой же.

Томек переждал минуту, чтобы скрыть волнение, и равнодушно сказал:

– Ну и пусть лежит. Мне-то что до того? И вообще не пойму, зачем ты мне об этом рассказала.

– «Ценю ум и предусмотрительность!» – произнесла Салли, подражая голосу дяди. – Ух, притвора! Сам весь ужин сидел и думал, как бы освободить несчастного вождя индейцев, а теперь невинного младенца из себя строит!

– Тише, Салли, молчи! Что ты плетешь? Еще услышит кто-нибудь.

– Ага, наконец-то выдал себя! – торжествующе воскликнула девушка. – Меня ты НИКОГДА не обманешь!

– Откуда ты можешь знать, о чем я думал за ужином?

– Ах, Томми! Ведь я уже тебе говорила, что, когда смотрю на тебя, всегда знаю, о чем ты думаешь. Твое счастье, что я не шериф! А то бы мне пришлось сразу арестовать тебя и запереть в подвале.

– Салли!..

– Ну хорошо-хорошо. Теперь ты видишь, что даже такая глупая девчонка, как я, может тебе пригодиться.

– Я никогда не говорил, что ты глупая, – горячо возразил Томек.

Томек умолк, потому что в этот момент ему в голову пришла дерзкая мысль. Салли не ошибалась, он действительно раздумывал, как помочь Черной Молнии. Правда, до этого момента такая помощь казалась совершенно невозможной, но теперь осуществить ее стало реальнее.

Если снять с индейца браслеты, то он, конечно, сумеет бежать от преследователей.

Томек колебался, не зная, довериться ли полностью своей подруге.

И он решил осторожно прощупать почву.

– Ну да, должен признать, что ты хитрая и догадливая. Но что с того, что точно такой ключик лежит в столе твоего дяди? Ключик сам к нам не придет, а достать – рискованное дело.

Ты только подумай! Чтобы освободить индейца, надо взять ключ из ящика стола, высвободить руки и ноги Черной Молнии, а потом положить ключ на прежнее место.

– Томми, если только ты согласишься принять меня в число ЗАГОВОРЩИКОВ, то я берусь раздобыть ключик и спрятать его обратно. Можешь быть уверен, что я его суну в замок браслета так же, как он торчит там сейчас.

– Гм, надо подумать. Наверное, мы и правда поможем чем-нибудь этому несчастному.

– Томми, ты ДОЛЖЕН ЭТО СДЕЛАТЬ! Ведь я же впервые буду участвовать в настоящем заговоре!

– Хорошо, Салли, хорошо! А теперь успокойся, в любой момент сюда может прийти боцман.

– Томми, не обманывай меня! Я читала, что заговорщики всегда клянутся хранить тайну. Без клятвы и заговора никакого быть не может.

Томек уже был готов взорваться, но в этот момент в столовой послышался шум отодвигаемых стульев. Поэтому он быстро пробормотал слова импровизированной клятвы верности Черной Молнии, и счастливая Салли вполголоса торжественно повторила их за ним.

Боцман вышел на веранду как раз тогда, когда девушка обнимала Томека после «клятвы». Взглянув на них, он подбоченился и сказал:

– Ну, хватит нежничать, сорвиголовы! Пойдем посмотрим на индейца.

– Чудесно! Только я еще должна кое-что спросить у Томека, – воскликнула девушка.

Пришлось ей встать на цыпочки, чтобы шепнуть Томеку на ухо:

– Боцман тоже участвует в сговоре?

Томек слегка тронул ее за локоть и ответил шепотом:

– Думаю, да.

– Значит, и он должен принести клятву!

– Молчи! Боцман сделает это позже.

– Что у вас там за секреты? – спросил боцман, забавляясь сконфуженным видом юноши.

– Никаких секретов. Право же, никаких! – заверила его Салли.

V Побег

Томек, Салли и боцман вышли во двор. Огромная светло-желтая луна только-только поднялась над линией горизонта. Серебристый свет озарил деревья и кусты, рассеивая вечерний сумрак.

Во дворе ранчо, вокруг большого костра, сидели индейские полицейские. В молчании тянулись они к мискам с едой, которые Бетти поставила на земле к их ногам. Блики от костра трепетали на их медно-коричневых лицах. Они ели сдержанно, неторопливо, однако кувшины с пивом переходили из рук в руки непрерывно. Пили они жадно. Можно было подумать, что этой заменой огненной воды они стараются заглушить воспоминание о своем предательстве. Даже не очень внимательный наблюдатель мог заметить, что краснокожие блюстители закона нарочно отворачиваются, чтобы не смотреть в сторону большого раскидистого хлопкового дерева²⁰, под которым лежит скованный пленник.

Боцман и его юные друзья сначала подошли к костру. Моряк громко восхитился храбростью полицейских, угостил их табаком и заявил, что если только шериф Аллан не будет возражать, то он готов отметить их победу бутылкой доброго рома.

В ответ старший из индейских караульных своим гортанным голосом заявил, что он сам отвечает за своих людей, потому что подчиняется только приказам правительственного агента, ведающего резервацией. Случайное сотрудничество с шерифом никаких дополнительных обязательств на него не возлагает.

Чрезвычайно довольный таким оборотом дела, боцман тут же принес большую бутылку ямайского рома и вручил ее старшему, наказав поделиться со всеми. Индейцы решили как можно дольше наслаждаться щедрым подношением, поэтому их старший просто подливал ром в каждую кружку пива.

– Не забудьте и тех двоих, что сторожат пленника, – напомнил боцман, махнув в сторону дерева.

Старший согласно кивнул и тут же направился с бутылкой к часовым. Боцман, Томек и Салли пошли вслед за ним. В то время как часовые осушали кружки, наши друзья внимательно рассматривали пленника.

Черная Молния сидел прямо на земле. Руки, скрещенные на животе, судорожно сжаты. На запястьях блестят стальные браслеты, соединенные короткой толстой цепью. Так же скованы и ноги. Порванная одежда ясно говорила о яростном сопротивлении, которое он оказал превосходящему противнику. Но, кроме нескольких царапин, ран не было видно, так как старший отряда, желая захватить пленника живым, отобрал у своих людей ножи и томагавки.

На спекшихся губах Черной Молнии виднелась засохшая кровь.

Заметив это, Томек воскликнул:

– А пленного наверняка мучит жажда! Вы только взгляните на его губы!

– Раз не хочет принять от нас воду, пусть подышает от жажды, – резко сказал старший. – Этому паршивому псу еще повезло, что Великий Отец из Белого дома хочет с ним поговорить. А то бы я сам угостил его ножом за то, что назвал нас предателями.

---

²⁰ *Хлопковое дерево* – тропическое дерево семейства мальвовых.

Он яростно пнул пленника в бок. Черная Молния только взглянул на него из-под опущенных век. И столько ненависти и презрения было в его взгляде, что полицейский машинально отступил на несколько шагов, словно опасаясь, что пленник, несмотря на цепи, может что-нибудь ему сделать.

Возмущенный поступком полицейского, Томек шагнул в его сторону, но бдительный боцман положил на плечо юноши жилистую, тяжелую руку и спокойно сказал:

– Мы не американцы и не желаем вмешиваться в ваши дела. Но охотно познакомимся с обычаями индейских воинов. Если пинать безоружного пленника считается у вас доказательством храбрости, то пни его еще раз, только дай ему по моей просьбе глоток рома. Я не люблю смотреть на человека, изнывающего от жажды. А за это я тебе пришлю еще одну бутылку. Ну, согласен?

Почувствовав в словах боцмана насмешку, старший смутился, но после некоторого колебания подошел к пленнику с кружкой, наполненной ромом. Едва старший склонился над индейцем, как тот неожиданно поджал ноги и рывком выбросил их вперед, ударив полицейского в грудь, отчего тот покатился наземь, а весь ром выплеснулся ему в лицо.

Караульные вскочили. Один из них ударил пленника прикладом карабина. Черная Молния без стога распростерся на земле.

– Ого! Экий несговорчивый малый! – воскликнул боцман. – Ну и черт с ним, если ему лучше мучиться от жажды, чем принять наше угощение. Сейчас я еще принесу вам рому.

Томек что-то шепнул на ухо Салли. Девушка кивнула и побежала в дом. Боцман и Томек направились за обещанным ромом. В комнате у моряка было дюжины полторы бутылок его

излюбленного напитка с Ямайки. В каждое путешествие боцман брал этот запас, считая ром лучшим средством от всех болезней. Оставшись наедине с Томеком, боцман задумчиво взглянул на него и произнес:

– Интересно, что бы сделал твой почтенный родитель на нашем месте?

– То же, что сделаем и мы, боцман, – быстро ответил Томек.

– А что мы сделаем?

– Освободим Черную Молнию!

– Нелегкое это дело, браток. Караульные стерегут его пуше глаза, на руках и ногах браслеты, да ко всему еще мы здесь гости.

– Не будь у Черной Молнии наручников, он бы и сам справился, – ответил Томек. – Лошади в нескольких шагах отсюда. Наверняка смог бы бежать.

– Если бы да кабы... – фыркнул боцман. – Развел философию! Тут еще поломаешь голову, пока что-нибудь придумаешь. Это-то и я соображаю, что лишь бы браслеты снять, а там – ищи ветра!.. Но ведь не можем же мы убить шерифа, чтобы...

Боцман осекся на полуслове, так как дверь тихо приоткрылась и на цыпочках вошла Салли.

– Наказание Господне с этой девчонкой! Что тебе здесь надо? – резко спросил боцман. – Тебе уже давно пора лежать в своей кровати!

Салли весело хихикнула и кивнула Томеку.

– Покажи боцману, что ты принесла, – сказал тот.

Девушка подбежала к моряку и сунула ему под нос ладонь, на которой лежал маленький ключик. Проблеск догадки и восхищения мелькнул на лице боцмана.

– Я сразу сообразил, что вы что-то затеяли, – проворчал он. – Каким это образом ты стащила ключ у дядюшки?

– Томми, скажи, боцман тоже в заговоре? – спросила девушка.

– Да, Салли, да! Можешь ему все сказать, – успокоил ее Томек.

– Дядин ключик так и висит у него на цепочке, как висел, – объяснила Салли. – А это другой, точно такой же, из ящика письменного стола.

– Неплохо вы все провернули, – признал боцман. – Если индеец улизнет, а дядюшка вспомнит о втором ключе и не найдет его на месте, то пиши пропало! Так вдвоем и угодим за решетку.

– В том-то все и дело, – озабоченно сказал Томек. – Надо так устроить, чтобы ключик очутился опять на месте.

Боцман наморщил лоб, а Томек подошел к окну, что-то напряженно соображая. Наконец, отвернувшись от окна, сказал:

– А может, и удастся. Салли, что делает сейчас твоя мама?

– С ее стороны нам ничто не грозит. У нее разболелась голова, наверняка приняла порошок, потому что уже спит.

– Это хорошо. Сейчас тебе здесь делать нечего, милочка. Возвращайся к себе, раздевайся – и в постель.

– Вот еще, а как же заговор? – возмутилась Салли.

– Я еще не закончил, – твердо сказал Томек. – Ложись в постель, но помни, засыпать тебе нельзя! Как только я опять получу ключик, тебе придется положить его на место.

– Мне это совсем не нравится! Я хочу участвовать во всем заговоре.

– Салли, каждый умный человек знает, что у заговорщиков роли всегда строго распределены. Если будем точно следовать плану, все получится. А иначе... ГОРИМ! Поняла?

– А ты считаешь мою роль важной? – встревоженно спросила Салли.

– Ты выполняешь важнейшее задание, потому что, не будь у нас ключа, вообще ничего бы не получилось. Правду я говорю, боцман?

– Как Бог свят – правда, – подтвердил боцман.

– Можете на меня положиться, – заверила Салли. – Значит, я лежу и жду ключ.

– Уфф!.. – тяжело вздохнул Томек, когда Салли исчезла за дверью. – Ух и упрямая! Хорошо хоть ушла!

– Если все девицы такие, то я, пожалуй, до конца жизни останусь холостяком, – откликнулся боцман. – Все же ты как-то управился. А теперь что?

– Отнесем индейцам ром, а остальное будет зависеть от обстоятельств. Вы постарайтесь на минуту отвлечь внимание караульных, чтобы я мог с пленником поговорить.

– Не может быть корабля без капитана, и любое дело требует предводителя. Ты всю эту кашу заварил, вот и будь капитаном. Ладно, постараюсь чем-нибудь развлечь часовых и их дружков. А как я узнаю, что ты свое дело сделал?

– Вытру платком лоб – это будет значить, что все в порядке.

– Договорились, ставим паруса!

Боцман сунул в карман бутылку рома, и они вышли из дома. Моряк был доволен, что Томек взял на себя труд объясниться с Черной Молнией. Добрый малый не очень любил напрягать умственные способности; все трудности он обычно разрешал ударом кулака, что при его необычайной силе особого труда не составляло. Но сейчас сила не очень-то могла помочь. Поэтому он целиком доверился молодому другу, умом, смекалкой и необыкновенным везением которого он всегда восхищался.

Сидевшие у костра полицейские встретили наших друзей одобрительным гулом. Весь день индейцам некогда было думать о еде, поэтому ужин с обильным пивом быстро сделал свое дело. Все были возбуждены и жаждали огненной воды.

Боцман подошел и не спеша достал из кармана бутылку рома. Краснокожие тут же протянули к нему кружки. Боцман наклонил было бутылку над первой кружкой, как вдруг, будто вспомнив что-то, отвернул руку и сказал:

– Послушай-ка, начальник! Те караульные тоже должны выпить за наше здоровье. Не можешь позвать их сюда на минутку?

– Хорошо сказано, пора даже их сменить. Чья очередь теперь охранять пленного? – спросил старший полицейский.

Но никто из индейцев не спешил удалиться. Бутылка большая, должно хватить на две порции для каждого. Видя, как они мнутя, боцман небрежно бросил:

– Ха! Значит, все вы любите огненную воду. Меня тоже трудно отогнать от полной бутылки. Но мне пришла в голову неплохая мысль! Мой молодой друг не пьет. Поэтому он с радостью согласится на время сменить тех двух храбрецов.

Старший хотел возразить, но боцман, не слушая его, продолжал:

– Не надо бояться, командир. Мой друг за сто шагов попадает в головку самой маленькой пташке. Приезжайте сюда в свободное время – и увидите эту необычайную меткость. Я еще не встречал равного ему стрелка, хотя сам пробиваю подброшенную монету. Послушай, браток, смени-ка караульных, только не спускай глаз с этого молодчика!

Томек молча и не спеша двинулся к хлопковому дереву. Оба караульных ясно слышали громкий голос боцмана, находившегося от них на расстоянии нескольких шагов, так как тут же торопливо присоединились к товарищам.

Томек сел на землю, привалившись спиной к дереву. Внимательно огляделся по сторонам и, убедившись, что никто не может его подслушать, шепнул на английском языке:

– У меня очень мало времени, поэтому пусть Черная Молния выслушает меня внимательно. Сегодня утром я случайно помешал Красному Орлу предупредить тебя о засаде. Я хочу исправить зло, причиненное мною невольно, и помочь моему брату бежать отсюда.

Ни один мускул не дрогнул на каменном лице краснокожего. Он продолжал сидеть неподвижно, но, когда Томек упомянул Красного Орла, индеец прошептал:

– Угх! Я думал, Красный Орел предал меня!

– Нет, Красный Орел не предатель! Он вывихнул ногу, борясь со мной как раз тогда, когда Черная Молния подъезжал к одинокой горе. Когда Красный Орел собрался с силами и вскочил в седло, было уже поздно. Может ли мой краснокожий брат открыть наручники, если будет у него ключ? – спросил Томек.

– Черная Молния смог бы это сделать.

– Слушай внимательно, Черная Молния, у меня уже есть этот ключик, но все дело в том, что я должен получить его обратно, чтобы не подвести твоего доброжелателя.

– О ком говорит мой белый брат? – спросил индеец.

– Мой краснокожий брат наверняка видел молодую скво, которая приходила сюда со мной. Это она выкрала ключик для тебя. Так что мы сделаем?

– Маленькая Белая Роза получит ключик обратно, прежде чем я убегу отсюда, – заявил Черная Молния после недолгого размышления. – Мой брат тоже живет в доме шерифа?

– Да, я и мой друг – его гости, а маленькая Белая Роза – родственница шерифа. Видит ли мой брат два верхних окна на фронтоне дома?

– Вижу, луна как раз освещает их.

– Первое окно от нас – окно моей комнаты, второе – моей молодой приятельницы, – пояснил Томек.

– Пусть мой брат опустит из окна шнурок так, чтобы он касался самой земли. Легкий рывок будет означать, что ключ уже привязан. И тут же Черная Молния исчезнет.

– Как же ты привяжешь ключик? – встревожился Томек. – Теряя на это время, ты не сможешь убежать.

– Это мое дело. Если не смогу вернуть ключ, то и не убегу. Черная Молния не белый человек, у него только один язык.

Томек незаметно достал из кармана ключик. Улучив момент, когда охранники пили по второй кружке, бросил ключик на колени индейцу.

Он видел, как руки пленника схватили сверкнувший ключ и ловко сунули его за пояс.

Томек переждал, пока сердце начало биться нормально, и только после этого достал из кармана платок и принялся старательно вытирать потный лоб.

Боцман Новицкий тут же уловил условный знак. Бросил опустевшую бутылку и вместе со старшим и двумя полицейскими подошел к Томеку. Юноша даже побледнел в тот момент, когда старший отряда наклонился к пленнику, чтобы проверить наручники. Но два охранника снова уселись рядом с индейцем.

Свои длинные ружья они положили поперек ног, скрещенных на индейский манер.

Томек и боцман поспешили в свою комнату. Юноша подробно рассказал ему о разговоре с Черной Молнией. Моряк счел решение индейца самым разумным выходом из создавшегося положения, но так и не смог понять, как тот собирался выполнить свое обещание. Ведь чтобы сдержать слово и привязать ключик к шнурку еще до побега, индейцу придется вручить его кому-то другому. Что же это значит?

Разумеется, ломая голову над этой загадкой, боцман и Томек успели спустить из окна длинный шнурок. После этого заговорщики сбросили с себя часть одежды, чтобы выглядеть так, будто они только выскочили из постели. После чего уселись на полу возле открытого окна. Конец шнурка Томек привязал к своей левой руке, чтобы вовремя почувствовать даже самое легкое подергивание. Боцман курил свою трубку. Время от времени они осторожно выглядывали в окно. Хлопковое дерево, под которым лежал пленник, находилось в каких-нибудь тридцати метрах. Отблеск невидимого из окна костра падал к самому подножию дерева, вырисовывая темные силуэты двух неподвижно сидящих стражников.

Так проходил час за часом. Только после следующей смены караула события приняли иной оборот.

Утомленные ожиданием, Томек и боцман перестали разговаривать. Какое-то время они сидели молча. Как вдруг боцман приподнялся и выглянул в окно. Серебристая луна, пройдя по небу свой путь, исчезла за строениями. Раскидистое хлопковое дерево окуталось ночной тьмой. Костер на бивуаке индейцев почти погас. Видимо, они уже давно заснули, забыв, что нужно поддерживать пламя. Боцман наклонился к Томеку.

– А ну, не спи, браток! – шепнул он. – Пусть я буду дырявой морской калошей, если сейчас ничего не произойдет.

– Я не сплю, будьте покойны, – уверил боцмана Томек. – Вы заметили что-нибудь интересное?

– В том-то и дело, что ни черта не видно. Посмотри сам!

Томек встал и, не выпуская из рук шнурка, прижался к косяку окна. Осторожно выглянул. По прерии тянулся молочный туман. Ближайший кустарник, деревья и строения расплывались в белом облаке, приобретая нереальные очертания. Огромное хлопковое дерево как будто ожило. Ветви его затрепетали, то приближаясь, то отдаляясь. Кругом воцарилась зловещая тишина. Даже цикады смолкли.

Неожиданно сверкнуло сквозь туман красное зарево. Кто-то, видимо, подбросил в костер охапку хвороста. Томек вздрогнул всем телом. Хотя ни малейший шорох не закрался в тишину, он уловил двукратное подергивание за шнурок. Томек подтолкнул стоявшего рядом боцмана, и они быстро втянули шнурок. На конце его они увидели маленький плоский ключ.

– Ага, значит, малый нас не подвел! – облегченно вздохнул моряк.

К Томеку сразу вернулось его обычное хладнокровие.

– Я отнесу ключик. Только бы Салли не спала! – шепнул он.

– Иди скорее и будь осторожен. Кто знает, что может случиться. Готово? – пробормотал боцман.

– Уже отвязал. Ждите здесь моего возвращения.

Томек снова вздрогнул от скрипа открываемой им двери, но времени не терял и босиком подбежал к комнате женщин. Не успел он взяться за ручку двери, как она тихо распахнулась и в ней показалась фигура в длинной ночной сорочке. Томек облегченно вздохнул.

– Томми, я ждала целую вечность, – шепнула Салли. – Ключик у тебя?

– У меня, Салли, у меня! Все в порядке!

– Значит, заговор удался? – возбужденно спросила Салли. – Томми, ты просто гений!

– Ну, будет тебе, Салли, поторопись...

Девушка взяла ключ из его рук. словно клубок белого тумана, легко спустилась по лестнице. Вот она у двери кабинета, но вдруг со двора донесся жуткий вопль сразу нескольких глоток. Ударили выстрелы!..

Неистовые вопли, команда открыть огонь и последовавшая за этим пальба подстегнули Салли. Она приоткрыла дверь, скользнула в темный кабинет и в страхе застыла. За столом кто-то сидел...

Салли затаила дыхание. Именно эта сторона дома выходила на двор, где горел костер; красноватые блики металась по комнате. За письменным столом сидел человек, подперев голову руками. В этот момент пальба усилилась. Человек за столом резко опустил руки и встал.

Салли прикрыла рот, чтобы не вскрикнуть. Это был дядя Аллан. Он не спеша взял со стола пояс с револьверами. Медленно охватил им бедра.

Салли опомнилась, бесшумно выскользнула из кабинета и припала к стене. Шериф быстро прошел рядом. Но как только его шаги послышались на веранде, Салли вернулась в комнату. К счастью, ящик стола был приоткрыт. Рука коснулась холодной стали. Всунуть ключик в замок наручников – минутное дело. Потом она заперла ящик, а о двери можно было не заботиться. И быстро взбежала по лестнице.

Дрожа от нетерпения, Томек схватил ее за руку:

– Ну что, Салли?

– Ничего, Томми, все в порядке!

– А ключ?

– Ну, положила на место... – шепнула она.

– Господи Боже, что творится в этом доме! – воскликнула миссис Аллан, выбежав в коридор со свечой в руке.

Не успела она при виде Салли и Томека задать им вопрос, как бдительный боцман уже очутился в коридоре. И тут же громогласно принялся успокаивать миссис Аллан:

– Не беспокойтесь, уважаемая миссис Аллан, не беспокойтесь. Наш прозорливый шериф был прав. Нельзя слишком доверять индейцам. Наверное, поссорились из-за чего-то, вот и вопят, будто с них кто шкуру сдирает. Даже наши молодые люди и те проснулись. Давайте спустимся – узнаем, что случилось.

Но как раз в этот миг яростные крики попеременно с одиночными выстрелами стали отдаваться от дома.

VI

Грозная тень

Много дней после этих событий единственной темой бесед на ранчо шерифа Аллана были таинственные обстоятельства, связанные с побегом Черной Молнии. Даже сами заговорщики были удивлены некоторыми подробностями побега.

Разумеется, перед тем как бежать, пленник должен был каким-то образом снять браслеты. К удовольствию заговорщиков, шериф не сильно раздумывал над этим. Его больше беспокоило то, что среди индейских полицейских были единомышленники и друзья Черной Молнии. Это было установлено во время дознания после побега пленника.

События представлялись так.

Караульные при Черной Молнии менялись каждые три часа. На рассвете старший полицейский проснулся. Промокнув от сырого тумана, окутавшего прерию, он решил укрыться одеялом и как раз в это время заметил, что костер затухает. Подобной небрежности со стороны караульных, которые обязаны были поддерживать огонь, он не мог допустить, поэтому направился к хлопковому дереву, чтобы отчитать их. И в это время пленник вскочил, ястребом кинулся на дремавшего рядом полицейского – и исчез в ближайших кустах.

Громкий крик старшего отряда поднял на ноги всех полицейских. Они схватили карабины и бросились в погоню за беглецом. Однако все поиски были заранее обречены на неудачу. Ночная темнота и туман полностью окутали кактусовую рощу и прерию. Хотя полицейские подбадривали себя выстрелами вслепую, ни один из них не был уверен – не наткнется ли он на нож Черной Молнии.

Первым пришел в себя и совладал с волнением, вызванным бегством пленника, старший отряда. Следы, оставленные Черной Молнией на земле, сейчас нельзя было различить. Не желая, чтобы их затоптали, он приказал прекратить погоню.

Обескураженные полицейские возвращались на ранчо, когда к ним вышел шериф Аллан. Он сурово отчитал караульных за ротозейство и повел их в кораль²¹. По его мнению, Черная Молния не мог убежать пешком, и если была какая-то надежда поймать беглеца ночью, то только вблизи загонов. В корале индейцы установили, что не хватает двух лошадей: лошади Черной Молнии и лошади одного из полицейских, наверняка его сообщника. Шериф был вынужден отказаться от погони за Черной Молнией ночью.

Поиски начались. С присущей индейцам сноровкой краснокожие читали следы, оставленные на земле. Не было сомнения, что один из их товарищей помог пленнику бежать. Это он первый покинул пост у хлопкового дерева, подошел к жилому дому, видимо проверить, все ли спят, потом побежал к коралю. Там приготовил коней. Старший отряда проснулся в тот момент, когда Черная Молния собирался нырнуть в заросли за своим сообщником. Видя приближающегося предводителя, пленник ударил ножом второго караульного и скрылся в кустах. Не теряя ни минуты, он побежал к загону, где его ждал сообщник с оседланными лошадьми.

Дальнейшие следы привели шерифа в изумление. По его мнению, Черная Молния должен был бежать в Мексику. Но следы говорили о том, что оба беглеца направились совсем в другую сторону. Что бы это могло значить? Неужели Черная Молния приехал сюда по такому важному делу, что для его выполнения готов рисковать жизнью?

Шериф во главе отряда полицейских поспешил по следам. Проехав по прерии около двух километров, шериф встревожился не на шутку. Следы вели прямо на северо-запад, к ранчо индейца по имени Многогривый. Неужели Черная Молния решил отомстить ему? Как только

---

²¹ Кораль – загон для лошадей (исп.).

эта мысль пришла шерифу в голову, он тут же разделил свой отряд на две группы. Одна из них со старшим отряда должна была идти по следам беглецов, а вторая с шерифом во главе помчалась галопом напрямик к ранчо Многогривого.

Предчувствие не обмануло шерифа. Прибыв на ранчо, он увидел жену индейца над трупом мужа. Убитая горем женщина отказалась что-либо объяснить. Более того, она осыпала Аллана градом упреков, обвинив его в том, что именно он подтолкнул мужа на предательство, и потребовала тут же покинуть ее дом.

Шериф с удвоенной энергией пустился преследовать беглецов. Теперь, помимо подозрения в подстрекательстве индейцев к бунту против белых, над Черной Молнией повисло обвинение в убийстве. За это его должна постигнуть суровая кара. Следы беглецов привели Аллана к резервации индейцев мескалеро²², которые принадлежали к племени апачей и были связаны по крови с навахо. Здесь, на каменистой земле, следы терялись.

Шериф связался с правительственным агентом, опекающим резервацию. Дальнейшие поиски они продолжали вместе, но безрезультатно. Индейцы были чрезвычайно сдержанны и все в один голос утверждали, что никогда не слышали о Черной Молнии. Именно это заставило шерифа задуматься. Белые считали апачей злыми духами Дикого Запада. Их легче всего было поднять на бунт.

С полдня шериф и полицейские рыскали в резервации, под различными предлогами входили в индейские жилища, расспрашивали старых и молодых, но следов беглецов так и не

---

²² Мескалеро – индейское племя, входящее в состав народа апачи.

обнаружили. К вечеру шериф вернулся домой. Здесь его ждал капитан Мортон, который должен был доставить бунтовщика в Форт-Апаче.

Невеселый то был вечер для шерифа Аллана. Капитан Мортон, сторонник крутой политики с индейцами, метал громы и молнии на гражданскую администрацию резерваций, обвиняя правительственных агентов в недопустимой, по его мнению, мягкости. Он был уверен, что существовало только одно правильное решение проблемы с индейцами: всех краснокожих необходимо было подавить в экономическом и моральном отношении. Уничтожение бизонов навсегда лишило индейцев свободы и независимости. Ведь бизоны на протяжении многих веков были основным источником существования индейских племен. Однако даже голод не умирил «дикость» краснокожих воинов. Дома, построенные для них белыми, они превращали в кладовые, а сами продолжали жить в нищенских вигвамах. Не хотели они носить и одежду, доставляемую правительством. Обрезали штанины, делали из них обмотки. Капитан Мортон доказывал, что только строгое выполнение распоряжения, изданного в Вашингтоне в 1896 году, могло вынудить индейцев забыть их старые обычаи. По этому распоряжению все мужчины должны носить коротко остриженные волосы, так как считалось, что длинные волосы – последнее звено, связывающее индейцев с прежними обычаями. Многие краснокожие воспротивились этому распоряжению, а значительная часть правительственных агентов не сумела применить силу.

– Вот вам и результат ваших поблажек! – сердито говорил капитан Мортон. – Индейцы в резервациях исполняют Пляску Духа, скрывают вражеских эмиссаров, а среди якобы лояльных полицейских находятся предатели, помогающие бежать таким бандитам, как Черная Молния. Настанет день, когда власти пожалеют, что отняли у армии управление резервациями.

Боцман и Томек, хотя и не были согласны с мнением капитана Мортон, не вмешивались в спор. По понятным соображениям они не стремились обращать на себя внимание. Зато миссис Аллан не скрывала возмущения. Она прямо заявила, что не длинные волосы, а несправедливость вынуждает индейцев к самозащите. Шериф с некоторыми доводами миссис Аллан был согласен, поэтому Мортон покинул ранчо в сильном раздражении.

Минуло несколько дней. Черная Молния пропал, словно в воду канул. Жизнь шла своим чередом. На ранчо Аллана перестали интересоваться судьбой беглеца и вскоре совершенно о нем забыли.

Приближалось время клеймить скот, пасущийся на обширных пастбищах. Скотоводы готовились сгонять стада, чтобы пометить тавром²³ подросший молодняк и отобрать часть скота для продажи. Поэтому шерифу Аллану часто приходилось выезжать на пастбища, где паслись его стада.

После клеймения скота ранчиро устраивали по старому обычаю различные состязания ковбоев. В числе этих состязаний были скачки на лошадях. И вот эти игры, называемые в Америке «родео», целиком захватили таких заядлых спортсменов, как Томек и боцман Новицкий.

В одном из табунов шерифа выделялась быстрой молодая кобылица, отлично обьезженная старым лошадиником-индейцем. Правда, у нее был один недостаток – пугливость и нервозность. Поэтому садиться на нее мог только тот, кто умел решительной мягкостью заслужить привязанность животного.

Подобно своему отцу, Томек был искренним другом животных. Никогда его не влекла бессмысленная бойня вместо охоты. Куда большее удовольствие доставляло ему приручение диких животных, к чему у него были необычайные способности.

Когда шериф впервые показал Томеку великолепную кобылицу, тот был совершенно очарован. Лошадь стригла ушами, раздувала ноздри, принюхивалась к чужому человеку, нервно била копытами. Не обращая внимания на предостережение шерифа, Томек смело подошел к

²³ Тавро – клеймо.

ней. Мягким движением положил левую руку на дрожащие ноздри мустанга, а правой нежно погладил по шее. Почувствовав ласку, кобылица успокоилась. Томек отстегнул шпоры и легко вскочил на спину лошади. Кобылица послушно пробежала вокруг коралля, а Томек, сидевший без седла, управлял ею только коленями, как это делают индейцы.

Удивленный шериф предложил Томеку принять участие в большом родео. Аллан был опытным коневодом и прекрасно знал, что хороший наездник на скачках – половина успеха.

Услышав это лестное предложение, Томек не стал скрывать своей радости. Все коневоды стремились найти для своих фаворитов лучших наездников, а ведь кобылица была любимцей Аллана. Сознывая большую ответственность, Томек начал тщательно готовиться к состязаниям. Скачки должны были происходить на дистанции десять миль по открытой прерии. Поэтому Томек ежедневно совершал на своей лошади длительные прогулки.

Спустя десять дней после бегства Черной Молнии он направил мустанга к одинокой горе на границе с Мексикой. В глубине души он уже давно искал встречи с Красным Орлом, но спрашивать о нем у шерифа опасался. Это могло бы вызвать у Аллана подозрения, хоть теперь уже не было уверенности в том, что шериф ни о чем не догадывается. Ведь он в ту памятную ночь мог заглянуть в ящик письменного стола и обнаружить отсутствие ключика в запасной паре браслетов. Если бы он ничего не подозревал, тогда должен был больше интересоваться, как же пленнику удалось снять кандалы. А он как ни в чем не бывало занялся повседневными делами, словно знал, кто сыграл с ним эту шутку. Салли категорически утверждала, что дядя только тогда направился к индейским полицейским, когда вторично услышал выстрелы. Потому-то Томек и предпочитал не расспрашивать шерифа о Красном Орле. Если молодой индеец и правда работал у Аллана ковбоем, то рано или поздно они встретятся, не возбуждая ни у кого подозрений.

Мустанг с развевающейся белой гривой шел мерным галопом. Необычайно легко и изящно перескакивал провалы и колючие кактусы, растущие кое-где среди кустов цветущего шалфея, пурпурным ковром покрывшего всю бескрайнюю прерию. Прижав маленькие красивые уши, кобылица, казалось, сама наслаждалась скоростью.

Томек был восхищен ловкостью, умом и выносливостью лошади. Несмотря на то что ее шерсть взмокла от пота, дыхание оставалось ровным, как в начале бега. Интересно, как она пройдет эти десять миль на родео? Ему ужасно хотелось, чтобы кобылица Аллана обошла лошадей других скотоводов.

Когда до подножия горы оставалось около двухсот метров, Томек заметил Красного Орла, стоявшего на скале. Пониже паслась его лошадь. Молодой индеец тоже заметил белого юношу, несколько раз махнул ему рукой, потом прыгнул с камня и побежал навстречу.

Томек натянул поводья. Мустанг, прядая ушами, остановился перед индейцем. Томек соскочил с седла и протянул руку молодому приятелю. Они обменялись рукопожатием.

– Угх, как хорошо, что ты, мой белый брат, приехал сюда. Я уже несколько дней жду тебя по утрам вблизи этой горы, – сказал навахо.

– Я тоже хотел встретить моего брата, но мне надо было соблюдать осторожность, чтобы шериф Аллан ничего не заподозрил, – ответил Томек. – Я рад, что ты уже не хромаешь.

– Я еще не могу ступать на эту ногу, но это ерунда, – улыбнулся индеец.

– Нам надо о многом поговорить, только сначала займусь лошадью, – сказал Томек, ослабляя подпруги.

Пучком травы он тщательно вытер лошадь. Молодой навахо взглядом знатока оценил ее.

– Угх, у моего брата резвый мустанг, – сказал он. – Я смотрел, как он идет в прерии. Может лететь вперегонки с ветром.

– Это лошадь шерифа Аллана. На ближайшем родео я поеду на ней, – сказал Томек. – Мне так хочется выиграть!

– Мустанг хороший, но скачки – дело нелегкое. На родео выйдут лучшие лошади со всей округи. Даже мексиканские коневоды вызвались принять участие, и среди них – дон Педро. А у него отменные скакуны, – сказал Красный Орел.

– Я знаю, что это нелегкое дело, потому и хотел бы победить.

Приятели уселись на землю рядом с обломками скал. Некоторое время они молча глядели друг на друга.

Первым заговорил молодой навахо:

– Мой белый брат приобрел двух друзей, на которых может положиться в любое время.

– О ком ты говоришь? – живо спросил Томек.

– О Красном Орле, хотя ты, наверное, думаешь, что я еще не очень опытный воин, и... о Черной Молнии.

– Я вовсе не считаю Красного Орла неопытным воином! Даже самые опытные воины ошибаются. Я бы очень хотел стать твоим другом, – заверил индейца Томек. – А что касается Черной Молнии, то все не так просто. Я оказал ему небольшую услугу, ведь невольно оказался виноват в том, что его взяли в плен. В тот день мой краснокожий брат хотел предупредить Черную Молнию о засаде?

– Мой белый брат сказал правду. Красный Орел должен был предупредить Черную Молнию.

– Ты потом виделся с ним?

– Красный Орел видел Черную Молнию. Если бы мой брат не объяснил ему, почему я не успел предупредить его о засаде, я погиб бы так же, как предатель Многогривый. На своих врагов Черная Молния налетает как гром. Мой белый брат спас мою честь и... жизнь.

– Это был мой долг – разрешить неприятное недоразумение. Но не уверен, правильно ли я поступил, когда помог Черной Молнии. По мнению шерифа, он подбивает индейцев на восстание против белых. Мне это кажется не очень разумным.

– А если бы индейцы явились на твою родину и захотели лишить тебя всего, что великий Маниту дал тебе и твоим отцам, разве ты не схватился бы за оружие, чтобы отстоять себя? – спросил навахо.

– Ты прав, – согласился Томек. – Но белых больше, и оружие у них лучше. Вы ничего не поделаете с ними. Начинать войны – безумие, это только ускорит вашу гибель.

– Если краснокожие братья прекратят междоусобную борьбу и объединятся для совместной защиты, то они станут сильнее белых. Помни, что оружие можно купить за... золото.

– Так говорят индейцы, сторонники Пляски Духа. Не повторяй этого при белых, если не хочешь потерять свободу, – печально ответил Томек. Он уже не сомневался, что молодой индейский друг состоит в тайном союзе.

– Великий Отец из Вашингтона обещал нам землю и свободу, но другие белые нарушают все договоры. Ты должен познакомиться с моими краснокожими братьями и тогда перестанешь плохо о нас думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.